Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Институт стран Востока»

Кафедра регионоведения и международных отношений

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Направление подготовки: 41.04.01
Зарубежное регионоведение
(уровень магистратуры)

На тему: «Функционально-семантическое поле глюттонических арабизмов в грузинском языке»

Выполнил студент: Бусишвили Мария Гиевна

Научный руководитель работы: доцент кафедры восточных языков
Института стран Востока
к.ф.н. Крылов Александр Юльевич

Работа допущена к защите

«____» _____ 202_ г.

Зав. кафедрой _____

Москва 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……4
ГЛАВА I. Понятие и структура функционально-семантического поля глюттонии в современнойлингвистике……...…9
1.1. Теория поля в зарубежной и отечественной лингвистике…….……..9
1.2. Типы полей в современной лингвистике…….……14
1.3. Функционально-семантическое поле глюттонии в современной лингвистике……20
ВЫВОДЫ……..25
ГЛАВА II. Лингвокультурологические особенности арабизмов в грузинском языке как отражение языковой картины мира языка носителей грузинского языка…….…….26
2.1. Лексико-семантические группы арабизмов в грузинском языке……..……..…….…..26
2.2. Особенности грамматической адаптации арабских заимствований в грузинскомязыке……..……..…….……31
2.3. Особенности фонетической адаптации арабских заимствований в грузинском языке……..…37
ВЫВОДЫ……..……...43
ГЛАВА III. Лингвокультурологические особенности функционально-семантического поля глюттонических арабизмов в грузинском языке …….……..…….……44
3.1. Лингвокультурологические особенности глюттонических арабизмов в грузинском языке как отражение глюттонической картины мира носителей грузинского языка…….44
3.1.1. Лексические средства как отражение лингвокультурологических характеристик глюттонических арабизмов концепта «еда\питье» в грузинском языке…….……..…..48
3.1.2. Грамматические трансформации как отражение лингвокультурологических характеристик глюттонических арабизмов

концепта «еда\питье» в грузинском
языке……...…….……58
3.1.3. Фонетические трансформации как отражение
лингвокультурологических характеристик арабизмов концепта «еда\питье» в
грузинском языке…….……..…..61
ВЫВОДЫ…….64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……..……..65
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ…….……..69
ПРИЛОЖЕНИЯ…….……..73

ВВЕДЕНИЕ

В выпускной квалификационной работе с позиций системно-структурного подхода к явлениям языка рассматривается понятийная категория глюттонии. Работа посвящена исследованию лингвокультурологических особенностей глюттонических (гастрономических)арабизмов в грузинском языке как отражения глюттонической картины мираносителей грузинского языка на теоретико-методологической базефункционально-семантического поля в лингвистике.

Полевой подход к изучению явлений языка как комплексноерассмотрение языковых средств разных уровней имеет решающее значениедля нашего исследования, в котором категория глюттонии, семантическимядром которой является понятие «еда/питье», адекватно представлена в видефункционально-семантического поля глюттонических арабизмов (ФСПГА) вгрузинском языке, и отражает

лингвокультурологические особенности еёреализации в современной грузинской речи.

Культура потребления пищи отличается национальным характером иотражает этнические, культурные, социально-религиозные особенностикоммуникантов. Поэтому глюттоническая картина мира, отраженная вгастрономическом дискурсе, является одной из важнейших характеристикречевой деятельности народа.

Традиционная культура питания в целом отражает ментальныехарактеристики грузинского народа, а лингвокультурологические особенностиреализации арабских глюттонических заимствований – глюттоническихарабизмов в грузинской речи дополняют глюттоническую картину мираносителей грузинского языка, включающую вкусовые представления игастрономические понятия.

Традиционный процесс приготовления и потребления пищи,особенности этикета сервировки стола, пищевые традиции в целомпредставляют собой часть культурологического кода образа жизни,культурно-бытового уклада и жизнедеятельности определенного народа, егокартины мира. Поэтому такой компонент ментальности как культурапринятия пищи, реализуемая в виде глюттонических (гастрономических)текстов различных жанров, находится в центре внимания современныхисследователей и представляет собой широкое поле для научнойдеятельности в рамках трансдисциплинарных изысканий.

Более того, важное место в лексическом фонде грузинского языка занимают слова, заимствованные из восточных языков, в том числе из арабского. Изучение появления восточной лексики в грузинском языке базируется на историко-лингвистической основе, что свидетельствует о наличии контактов между Грузией и восточным миром в течение продолжительного периода. Несомненно, заимствованная восточная лексика проникла и в глюттоническую сферу языка, что отразилось на гастрономической картине мира грузинского народа.

В работе исследуются следующие вопросы:

1) понятие и структура функционально-семантического поляглюттониии в современной лингвистике;

2) лингвокультурологические особенности арабизмов в грузинском языкекак отражение языковой картины мира носителей грузинского языка;

3) лингвокультурологические особенности функционально-семантического поля глюттонических арабизмов в грузинском языке.

Объектом исследования является функционально-семантическое поле

глюттонических арабизмов в грузинском языке, еголингвокультурологические аспекты.

Предметом исследования являются лингвокультурологическиеособенности глюттонических арабизмов в грузинском языке.

Актуальность выпускной квалификационной работы обусловлена интенсивным развитием межкультурной коммуникации в условиях глобализации в различных сферахжизнедеятельности, а также возрастающим научным интересом современнойлингвистики к исследованиям языковых заимствований в области глюттонического дискурса, продиктованного недостаточной изученностью, азначит необходимостью исследования лингвокультурологических аспектовФСПГА в грузинском языке.

Цель исследования заключается в выявлении лингвокультурологических особенностей ФСПГА в грузинском языке.

Для осуществления поставленной в работе цели потребовалось решение следующих **задач**:

1) установить особенностипостроения,структуруи иерархиюкомпонентов ФСПГА в грузинском языке;

2) рассмотреть лингвокультурологические особенности арабизмов в грузинском языке как отражение языковой картины мира носителей грузинского языка;

3) проанализировать лингвокультурологические особенности понятия «еда/питье» как отражение ФСПГА в глюттонической картине мира грузиноязычных коммуникантов;

4) рассмотретьреализацию глюттонических арабизмы в гастрономических текстах различных жанров на грузинском языке.

Теоретико-методологической базой работы явились труды такихроссийских лингвистов, как А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, С.Д. Кацнельсон, Ю.Д. Апресян, Г.С. Щур, Ю.Н. Караулов, А.В. Бондарко, Л.А. Новиков, Н.Д. Голев, Е.И. Диброва и др., а также таких зарубежных ученых, как Г. Ипсен, Й. Трир, А. Джоллса, В. Порциг, В. Гумбольдт и Ф. де Соссюр.В сфере картвелологии теоретико-методологической базой послужили работы Н.Я. Марра, Г.В. Церетели, М.К. Андроникашвили и Ц.А. Абуладзе.

Научная новизна работызаключается в исследовании лингвокультурологических характеристик глюттонических арабизмов каккомпонентов ФСПГ в грузинском языке, определении лексико-грамматических, фонетических особенностей и национально-культурнойспецифики их реализации. В научный оборот вводится уникальный фактический материал, репрезентирующий разнообразные гастрономическиеобъекты и их языковых представителей в виде глюттонических арабизмов вгрузинском языке.

Теоретическая значимость выпускной квалификационной работыопределяется тем, что её результаты расширяют научные представления попроблематике языковых заимствований и их репрезентации в видефункционально-стилистического поля глюттонии как отражениянглюттонической картины мира.

Практическое значение данной квалификационной работы состоит в том, что её материал может быть использован в курсах зарубежного регионоведения, общего языкознания и в переводческой практике в

процессемежкультурной коммуникации в рамках грузино-арабской пары языков.

В работе для решения вышеизложенных задач использовались следующие общие и специальные научно-исследовательские **методыисследования**: системно-структурный, сопоставительный, лингвокультурологический, когнитивно-прагматический, функционально-стилистический, описательный метод, сравнительно-исторический метод,метод фразеологического анализа, количественного и компонентного анализаи др.

Достоверность результатов научного анализа достигается использованием комплексной методологии исследования, широкой выборкойанализируемого материала, позволяющей объективно учитывать частотностьфункционирования элементов ФСПГА в глюттоническом дискурсе носителей грузинского языка и определить их иерархию. Объём исследованного материала для лингвистического анализа составил: более100 единиц глюттонических арабизмов в номинациях грузинских национальных блюд, напитков и продуктов (из них имен существительных – 60, имен прилагательных – 30, глаголов – 10 и др.), а также в составе грузинских фразеологизмов, свыше 550 страниц глюттонических текстов на грузинском языке.

Материалом исследования являются образцы грузинских кулинарных изданий, меню, рецептов, глюттонических текстов рекламы.

Структура данной работы определяется поставленными исследовательскими задачами. Квалификационная работа состоит из введения, трёх глав,заключения, списка литературы и источников и приложения.

Глава 1. Понятие и структура функционально-семантического поля глюттонии в современной лингвистике

1.1. Теория поля в зарубежной и отечественной лингвистике

Развитие теории семантического поля связано с работами немецких и швейцарских лингвистов в первой половине двадцатого века, в частности: Г. Ипсена (1924 г.); Й. Трира (1934 г.); А. Джоллса (1934 г.) и В. Порцига (1934 г.). Те и другие ученые писали о закономерностях семантических связей между языковыми единицами и систематическом характере лексики. Однако истоки теории можно проследить, по крайней мере, вплоть до середины XIX, когда нам были представлены идеи В. Гумбольдта (1836 г.) и Ф. де Соссюра (1916 г.).

Среди немецких лингвистов Й. Трир оказался самым значимым и его теория значительно повлияла на дальнейшие исследования лингвистов. Также описывает степень важности новаторской версии теории поля Й. Трира венгерский лингвист С. Ульман: «открыла новую фазу в истории семантики» [Ульман С., 1962, с. 7], несмотря на некоторую критику, которой иногда подвергается его теория. В ряде работ он не только разработал новые принципы систематического анализа лексики, но и применил их к обширному фактическому материалу.

Й. Трир прямо признал свое следование гумбольдтовской концепции языка как детерминанта мировоззрения его носителей и как органической целостности, в которой все части концептуально связаны друг с другом. Он также присоединился к современному выражению идеи внутренней структуры в языке, сформулированной Соссюром.

Мы видим, что вслед за своими учителями В. Гумбольдтом и Ф. де Соссюром Й. Трир исходит из представления о синхроническом состоянии языка как замкнутой, устойчивой системы, определяющей субстанцию всех ее компонентов.

Согласно теории Й. Трира, все части единой системы обретают свое значение только, когда они окружены другими частями, то есть лексема в любом языке является не изолированным носителем значения, а у каждой составляющей есть смысл только потому, что рядом с ним находятся другие лексемы.

Более того, теория Й. Трира предполагает, что лексические поля представляют собой легко определяемые замкнутые наборы, без перекрывающихся значений или пробелов. Эти предположения были подвергнуты сомнению, и теория была изменена с момента ее первоначальной формулировки.

Стоит сказать, что также изучением полевой теории занимались такие отечественные ученые, как А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, С.Д. Кацнельсон, Ю.Д. Апресян, Г.С. Щур, Ю.Н. Караулов, А.В. Бондарко, Л.А. Новиков, Н.Д. Голев, Е.И. Диброва и другие лингвисты.

Вопросами изучения слов как единой структуры и распределения ее по лексическим и понятийным полям занимается А.А. Уфимцева. Она показывает системный характер лексических явлений, подчеркивает их тесную связь между собой и взаимообусловленность грамматическим строем языка [Уфимцева А.А., 1962, с. 6-48].

Г. С. Щур определяет поле как способ существования и группировки лингвистических элементов с общими инвариантными свойствами [Попова З. Д., 2009, с. 10; 14]

Способом отражения действительности называет поле Ю. Н. Караулов. В своей монографии «Общая и русская идеография» он выделяет следующие свойства поля: 1) связь его элементов, 2) системный характер связей, 3) взаимоопределяемость элементов (либо парадигма, либо набор корреляций, либо сеть понятийно-логических отношений), 4) самостоятельность семантического поля, 5) специфичность в разных языках (историческая обусловленность, неповторимость национальных особенностей внешних связей полей друг с другом) [Караулов Ю. Н., 2010, с. 33-34].

То есть можем сказать, что лексическое поле или семантическое поле – это способ организации родственных по смыслу слов и выражений в систему, показывающую их отношение друг к другу. Например, отец, мать, дядя, тетя и т. д. принадлежат к одному лексическому полю «родственники».

Более того, расширение смысла одного слова сужает значение соседних слов, при этом слова в поле аккуратно складываются вместе, как мозаика. Если одно слово претерпевает семантическое изменение, то изменяется вся структура лексического поля.

Таким образом, лексема сама по себе не имеет значения, а приобретает его только благодаря позиции, которую она имеет с соседними лексемами в конкретном поле.

Рассмотрим несколько примеров лексических полей. Например, поле «части лица» является содержательным полем части к целому. Термины внутри поля расположены пространственно и достаточно четко разграничены, хотя между терминами, такими как рот и губы, есть некоторое совпадение. Такие термины, как переносица или веки, будут составлять отдельные члены поля. Поле «стадии жизни» расположено последовательно, иерархично. Хотя между некоторыми терминами существует значительное совпадение, например, ребенок и малыш, то есть термины являются близкими по значению. Таким образом мы сталкиваемся со своего родом «пробелом», то есть термин «ребенок» не является исчерпывающим обозначением определенной стадии жизни человека, так как под ним мы можем подразумевать как «малыша», так и «младенца», из чего мы можем сделать вывод, что иногда отсутствуют простые термины для обозначения того или иного понятия.

Семантическое поле «вода», например, можно разделить на ряд «подполей». Кроме того, может показаться, что такие термины, как пролив/фьорд или бухта/гавань/залив, во многом совпадают. Семантическое

поле слова «одежда» особенно богато, в нем много немаркированных[1] терминов (таких как платье или смокинг), а также много маркированных терминов (таких как куртка или пальто). Поле «одежда» может быть организована по-разному – по полу владельца, по случаю ношения, по покрытой части тела и так далее.

Таким образом, семантика – это изучение значений слов. Когда мы размещаем слова в пространстве по семантическому значению, мы связываем слова по тому, что они означают. Этот метод часто используется в концептуальных моделях[2], чтобы передать более четкое значение чего-либо. Поэтому слово «семантика» с древнегреческого переводится «обозначающий», исходя из этого мы используем термин «семантическое поле».

Следует также сказать, что лексическое поле изучает морфологию слов, форму и конструкцию. Когда мы собираем лексическую сеть, мы связываем слова, которые сходны по своей формации, вероятно, потому, что они также сходны по лингвистическому происхождению. Следовательно, когда эти виды лексем собраны вместе, они должны иметь одинаковую структуру и форму. Теория лексического поля Й. Трира в 1931 году утверждала, что слова сгруппированы таким же образом по конструкции, как и их культурное и географическое происхождение. Поэтому лексическое поле – это не только исследование, но и теория сама по себе.

---

[1]Если языковые единицы различаются лишь по одному признаку, то чаще встречающееся значение именуется базисным (немаркированным), а более редкое — маркированным.Маркированность может проявляться и в том, что во многих языках (включая русский) слово мужского рода может обозначать как мужчин, так и женщин, для особого выделения женщин же будет использовано другое слово, например студент (немаркированный) и студент-ка (маркированный).Согласно Р. Якобсону, который первоначально ввел термин применительно к фонемам, базисный признак — тот, который сохраняется в процессе нейтрализации.

[2] Когнитивные модели и концептуальные структуры способствуют отражению действительности в языке, функционируя на каждом его уровне от морфемы до текста и создавая возможность описания его в единой парадигме смыслов, имеющей своим стержнем концепт — выраженную знаком динамическую единицу познания.

Данное обстоятельство позволяет рассматривать упорядочение вербального и невербального опыта и говорить о возможностях концептуализации как процесса, лежащего в основе создания концептуальной картины мира.

Следовательно, вышеупомянутые термины не одинаковы. Семантика – это изучение значений слов, тогда как морфология – это изучение построения слов.

Если слова имеют схожие значения, то это формирует семантическое поле. Семантическое поле – это, когда несколько слов в отрывке связаны одной идеей, например, семантическое поле «любовь» будет состоять из таких слов, как: «поцелуй», «романтика», «валентинка», «восхищение» и т. д.

То есть можно сделать вывод, что все, что связано с семантикой, связано со значением.

Другими словами, речь идет о границах этого слова со смысловой точки зрения. Также семантика изучает синонимы, чтобы увидеть, какие другие слова имеют схожие или частично совпадающие значения.

Лексические поля определенным образом различаются, даже если есть «перекрытие» лексических полей. Лексические поля изучают как одни лексемы влияют на другие в предложении. Например, присутствие определенного слова может радикально изменить значение другого слова.

Носители языка интуитивно чувствуют связь между определенными парами или наборами лексем, которая не объясняется явным фонологическим или грамматическим сходством. Носители русского языка, например, интуитивно чувствуют, что лексемы «родитель» и «ребенок» семантически связаны таким образом, что не разделяют эти понятия, то есть в их языковой картине мира эти слова находятся в одном «поле». Также в качестве примера можем привести такие слова, как «холостяк» и «женатый», которые являются разными по смыслу словами, однако более близки по значению, чем, например, «холостяк» и «река», то есть наличие антонимии между теми или иными терминами не распределяет их в полярно разные семантические поля.

Одна из целей адекватной семантической теории состоит в том, чтобы охарактеризовать и объяснить систематические отношения между семантически связанными лексемами и то, как эти отношения используются

в коммуникативном процессе. Любая теория, которая не может удовлетворительно уловить эти соотношения, должна быть признана неприемлемой в принципе, либо в некоторых деталях теории.

Семантические отношения, которые существуют между лексемами в естественных языках, широко обсуждались или упоминались лингвистами. Таким образом, семантика страдает не от недостатка фактов об этих отношениях, а скорее от отсутствия адекватной теории для организации, систематизации и обобщения этих фактов [Кац и Фодор, 1963, с. 170].

1.2. Типы полей в современной в лингвистике

Как было сказано ранее, теория семантических полей была введена немецким ученым-лингвистом Й. Триром в 1930-х годах, чья версия рассматривается как новый этап в истории семантики. Й. Трир характеризовал поле как «совокупность слов, находящихся в свободных связях по линии их лексических значений в тот или иной период времени. Слова, конституирующие такие объединения, связаны или парадигматическими, или синтагматическими (синтаксическими) отношениями» [Г.С. Щур, 1974, с. 90].

Однако, прежде всего необходимо разобраться с типами, существующих или выведенных лингвистами на сегодняшний день семантических полей. Так, например, Г.С. Щур, основываясь на исследованиях своих предшественников раскрывает следующие варианты классификации полей: синтагматические\ парадигматические, словесные\ понятийные\семантические, семантические\ ассоциативные.

Также в исследованиях Б.Ю. Городецкого и И.М. Кобозевой мы встречаемся с более четкой характеристикой и систематизацией типов связей среди единиц функционально-семантических полей. В книге И.М. Кобозевой приведены следующие пункты:

1) синонимические корреляции;
2) гипонимия;

3) несовместимость;

4) корреляция «часть – целое»;

5) антонимические корреляции;

6) конверсивные корреляции;

7) корреляции семантической производности;

8) ассоциативные отношения.

Теорию семантического поля Й. Трира можно резюмировать следующим образом:

1. Словарный состав в языковой системе семантически связан и составляет полную лексическую систему. Эта система непостоянна и все время меняется.

2. Поскольку лексический состав языка семантически связан, мы не должны изучать смысловое изменение отдельных слов изолированно, а изучать лексику как целостную систему.

3. Так как лексемы взаимосвязаны по смыслу, мы можем определить коннотацию слова, только анализируя и сравнивая его смысловую связь с другими словами. Слово имеет смысл только в своем семантическом поле.

Семантическое поле Й. Трира принято считать парадигматическим. В этом контексте необходимо ввести такие понятия, как гипонимия, синонимия и антонимия. Рассмотрим их более подробно:

1.2.1. Гипонимия

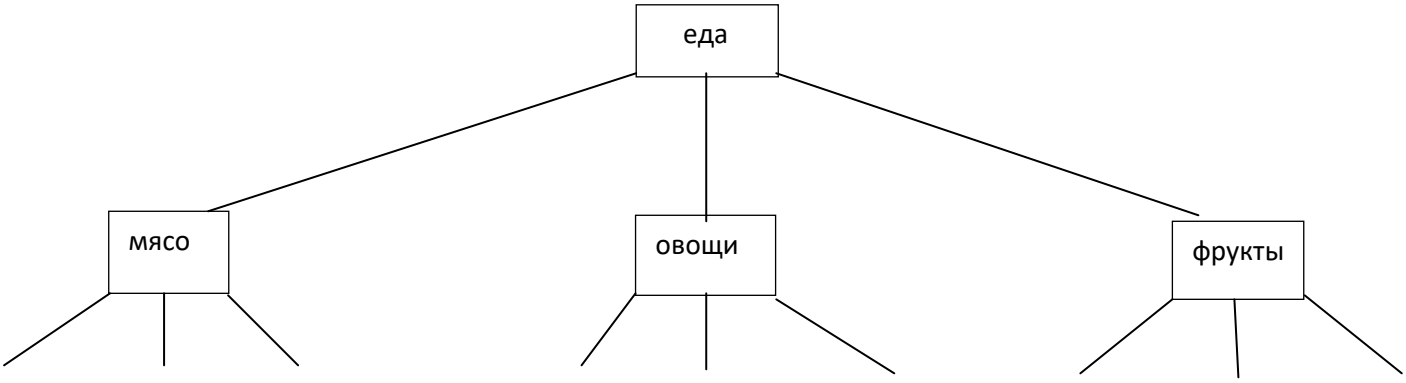
Гипонимия – наиболее распространенная ветвь теории семантического поля. Она содержит в себе все объекты, относящиеся к одной конкретной категории. Термин «гипоним» означает частную сущность по отношению к более общему понятию. Будет неверным не упомянуть также термин «гипероним», так как он тесно связан с первым понятием. Дело в том, что это понятие используется в лингвистике для обозначения своего рода генерализации конкретных понятий, которые связаны между собой на семантическом уровне. Так, например, слово «овчарка» будет гипонимом по

отношению к слову «собака», которое будет в свою очередь являться гиперонимом в данной цепочке соотношений.

Гипонимия может быть многоуровневой, то есть это означает, что базовый уровень можно разделить на еще более конкретные дополнительные уровни. Например, мы могли бы разделить животных на человека, птиц и зверей, в то время, как птиц и зверей, в свою очередь, можно разделить на рыб, насекомых, млекопитающих и т. д. А млекопитающие также могут быть еще разделены на свиней, собак, коров, волков, лошадей и т. д. И наконец, например, лошадей можно разделить на кобыл, жеребцов, пони и так далее. Эти подразделения подразумевают систему гипонимии, представляющую собой в основном соподчиненное гипонимическое семантическое поле, называемое также общим термином и специфическими условиями. Возьмем пример выше, например, если животные являются вышестоящим термином, то люди, птицы и звери будут гипонимами в этой цепочке.

Гипонимия характеризуется определенного рода относительностью. И относительность этого семантического поля имеет двоякое значение. С одной стороны, это означает, что суперординатно-гипонимические отношения[3] не являются относительными, а абсолютными или неизменными. Рассмотрим график ниже:

Таблица 1 – Иерархичная структура поля «еда»



[3]Один из уровней категоризации признается как базовый, а остальные - как суперординатный (superordinate, по терминологии Э.Роша, т.е. уровень высшего порядка, или вышестоящий уровень) и субординатный (subordinate, по терминологии Э.Роша, т.е. уровень низшего порядка, или нижестоящий уровень).

говядина	свинина	баранина	картофель	огурцы	помидоры	яблоко	персик	апельсин

Как показано на графике выше, мясо – это гипоним, который находится на более низком уровне по отношению к вышестоящему термину «еда»; а к говядине, свинине и баранине мясо является вышестоящим и находится на более высоком уровне. Точно такую же закономерность мы прослеживаем с овощами и фруктами. С другой стороны, когда семантическое поле применяется для описания различных объектов, стандарты определения различны и относительны.

Так мы переходим к следующим «ответвлениям» семантического поля:

1.2.2. Антонимия

Антонимия – одна из ветвей семантического поля, основанная на словах с одинаковыми корнями и диапазоном. Антонимия обычно формируется с противоположными, непоследовательными значениями. Говоря об антонимии, следует упомянуть, что здесь мы говорим об уровне семантической противоположности. Л. А. Новиков приводит следующие виды противоположностей в антонимии:

1. Контрарная противоположность.

Контрарную противоположность определяют крайние симметричные понятия конкретного семантического поля, между которыми стоит средний, промежуточный член: «холодный» - «негорячий», «негорячий» - «прохладный», «теплый» или, например, «темный» - «несветлый», «четкий» - «неясный», «неясный» - «мутный», «двусмысленный». Как известно, это самый частый вид противоположностей.

2. Комплементарная противоположность.

Комплементарная антонимия отличается от приведенной выше противоположности тем, что здесь отсутствует какое-либо промежуточное звено. Например, мертвый – живой, свет – тьма и т. д. Можно сказать, что

термины в рамках этой категории антонимии являются более исчерпывающими.

3. Векторная противоположность.

Векторная противоположность представляет собой противоположность разнонаправленных действий, движений,

признаков: «подниматься» — «опускаться», «входить» — «выходить», «революционный» — «контрреволюционный» и т.п. [Л.А. Новиков, 1982, с. 244].

4. Прагматическая антонимия – небольшая группа слов, в которых

противопоставление выражается не чисто семантически, а путем частого образного употребления их в речи: отцы – дети, земля - небо, рай – ад, душа– тело, ум – сердце.

М.И. Фомина также отмечает такие особенности антонимов: «1) общественно-осознанными системными отношениями; 2) устойчивой принадлежностью к определенной лексикограмматической парадигме; 3) регулярностью воспроизведения в одних и тех же (или сходных) синтагматических условиях; 4) закрепленностью в словарном составе; 5) относительно устойчивой стилевой принадлежностью и стилистической сущностью (например, эмоционально-экспрессивными оценками). Такие антонимы существуют в лексико-семантической системе языка относительно свободно [М.И. Фомина, 1983, с. 163].

1.2.3. Синонимия

Синонимия относится к семантическим полям, которые образованы словами с относительно одинаковыми значениями, так что они могут быть в некоторой степени взаимозаменяемы, но в большинстве случаев незаменимы.

Стоит сказать, что среди ученых нет общепринятого мнения относительно синонимии в сфере языкознания, однако существуют различного вида типы классификации семантической синонимии. Так, согласно В.П. Даниленко, синонимы – это слова «разно звучащие, но

совпадающие по значению или имеющие сходное, близкое значение» [В.П. Даниленко, 1977, с. 103].

Условно синонимию можно разделить на две группы – абсолютную синонимию и относительную синонимию. Абсолютная (или полная) синонимия встречается относительно редко и в основном указывает на группы слов с абсолютно одинаковым значением, которые могут быть заменены друг другом в любых контекстах. Например, «брать» – «взять», «взглянуть» – «посмотреть», «кинуть» – «бросить» и т.д. .

По сравнению с абсолютной синонимией относительные синонимы более богаты. Это относится к синонимам, которые образованы словами с относительно одинаковым значением, но разными по степени, эмоциям, стилям и словосочетаниям.

Интересно, что многие лингвисты рассматривают наличие абсолютной синонимии как положительное явление в языке, характеризуя это как признак «богатства» языка. Например, по мнению Б.Н. Головина, «роль синонимов чрезвычайно велика в развитии речевой культуры: чем лучше человек знаком с синонимами своего языка, тем свободнее и точнее он может выражать оттенки мыслей и настроений» [Б.Н. Головин, 1987, с. 53].

Вернемся к понятию относительной синонимии. Относительной (или частичной) синонимией называют такие слова, которые являются схожими по значению, но в то же время обладающими семантико-стилистическими различиями. Относительные синонимы, в свою очередь, классифицируют следующим образом:

1. Семантические синонимы.

К семантическим синонимам (также их называют идеографическими) мы относим термины, похожие по смыслу, однако, отражающие разного вида оттенки и нюансы конкретного понятия. Они дают возможность описать то или иное явление более точно. Например: «горячий» – «жаркий» или «палящий» (более детально передают степень теплоты).

2. Стилевые (или экспрессивно-стилистические) синонимы.

Стилевые синонимы объективно отличаются своей стилистикой употребления, а также имеют отличия в эмоциональной окраске. Например: «глаза» – «очи» (первый термин стилистически нейтрален, когда второй – книжный, в какой-то степени даже устаревший термин), «разговаривать» - «болтать» (первое слово стилистически нейтрально, а второе является разговорным словом и в каком-то смысле имеет дополнительный оттенок «много разговаривать»), «отец» - «папа» (первое слово является более официальным термином, в то время как второе более разговорное).

То есть экспрессивно-стилистические синонимы различаются, во-первых, по стилистике употребления и, во-вторых, по степени эмоциональности термина или интенсивности какого-либо явления.

3. Семантико-стилистические синонимы.

Семантико-стилистические синонимы имеют различия в значении терминов и в стилистике употребления. Например, будущий (нейтральное) – грядущий (книжное) – наступающий (нейтральное) – предстоящий (деловая сфера) – следующий (нейтральное)[4].

4. Контекстуальная синонимия.

Это вид синонимии, когда определенная группа слов обретает схожие значения в конкретном контексте или в условиях определенных коллокаций.

1.3 Функционально-семантическое поле глюттонии в современной в лингвистике

Изучая функционально-семантическое поле конкретного языка, рассматриваются лексические единицы, из которых состоит определенное поле, а также его структура, которую принято делить на ядро, центр и периферию (выделяют ближнюю, среднюю и дальнюю периферии). Более того, в изучение функционально-семантического поля также входит определение связей между различными языковыми средствами и процесса пересечения разных семантических полей.

[4]Типы синонимов.URL:https://blog.tutoronline.ru/tipy-sinonimov(дата обращения 04.06.2022)

Таким образом, в рамках исследования функционально-семантического поля различные языковые явления рассматриваются в контексте устройства структуры языка и его функционирования, а также эти языковые явления анализируются в их вербальном проявлении. Вербальная реализация языковых явлений, в свою очередь, играет важную роль в сфере исследования категории «глюттонии».

Стоит сказать, что впервые термин «глюттонический дискурс» был введен в своей работе «Презентационная теория дискурса» А.В. Оляничем, где он определяет это понятие как «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [Олянич А.В., 2004, с. 426].

Также описывая термин «глюттония» И.А. Державецкая говорит о том, что он подразумевает под собой весь пищевой процесс в целом, начиная от добычи и первичной обработки продуктов питания и заканчивая процессом потребления пищи [Державецкая И.А., 2013, с. 20].

Ввиду того, что в настоящей работе мы затрагиваем непосредственно арабизмы-глюттонимы в грузинском языке, то есть арабские заимствования, связанные с понятиями еды, необходимо дать определение термину «глюттонимы». Глюттонимы – это лингвистические знаки пищи и её компоненты, входящие в состав глюттонического дискурса [Бобаева Г.М., 2012, с.10].

Гастрономическая (или глюттоническая) языковая картина мира, в свою очередь, характеризуется как «совокупность определённых компонентов, куда включаются как вкусовые представления, так и глюттонические понятия и гастрономические концепты» [Ермакова Л.Р., 2011]

Интересно, что вопрос глюттонии начал волновать ученых-лингвистов относительно недавно, хотя тема еды никогда не теряла свою актуальность. Вопрос гастрономии начинает вызывать интерес ученых-лингвистов в XIX веке. Согласно мнению М.В. Капкана это время исследования, связанные с

гастрономической культурой, носят фрагментарный характер. Также рассуждают на тему глюттонии и пищевых привычек разных народов мира такие ученые, как П. Гиро и другие зарубежные ученые [Капкан М.В., 2010, с.5].

Повышенный интерес по отношению к вопросу глюттонии появляется в 1960 – 1970-х гг. и освящается в исследованиях таких зарубежных ученых, как К. Леви-Стросс, Р. Барт и М. Дуглас.

Говоря о глюттонии, стоит сказать, что в контексте функционально-семантического поля семантическим ядром данной категории будут выступать понятия «еда\питье». То есть можно сказать, что глюттония – есть все, что в той или иной степени связано с пищей, включая в себя названия продуктов, единиц блюд, процессы приготовления и употребления пищи, а также предметы хранения еды и кухонные приборы и, наконец, характерные особенности продуктов питания и блюд.

Семантическое поле глюттонии можно также разделить на ядро, центр и периферию. К первому относятся понятия «еда\питье», центр включает в себя слова, описывающие наименования блюд, напитков, а также кулинарные рецепты и общие обозначения пищи. К периферии относятся слова, выражающие характеристики пищи в меньшей степени.

Изучение лингвокультурных особенностей и различных «картин мира» народов всегда волновало ученых лингвистов. Не меньшей интерес представляет исследование непосредственно глюттонического или гастрономического мировоззрения разных этносов, так как оно включает в себя информацию о традициях, повседневном быте и культуре, которые, в свою очередь, являются своеобразным отражением «картины мира» конкретного народа. Более того, она представляет собой модель знания о концептуальной системе образов, которую репрезентирует язык [В.Н. Манакин, 2004, с. 200].

Аспект предпочтений народа в еде отражается в соответствующих текстовых и языковых источниках, то есть в меню, кулинарных рецептах,

гастрономической терминологии. При этом язык является отражением, определяющим различные понятия, отражающие быт и стиль жизни народа – носителей языка.

Глюттонический дискурс вокруг грузинской кухни, сформированный в условиях определенной картины мира и отраженный в грузинском языке, является частью национальной культуры грузинского народа, который сформировал специфическое отношение к пищи и культуре застолья.

Среди самых значимых кулинарных предпочтений грузинской нации можно выделить следующие блюда: ხაჭაპური [khachpuri] – пирог, начиненный сыром, который также существует в различных вариациях, ხინკალი [khinkali] – мучное изделие, начиненное фаршем из говядины, свинины или баранины, ოჯახური [ojakhuri] – жареное мясо с картофелем, ლობიო [lobio] - блюдо из стручковой или красной фасоли, ფხალი [fkhali] – популярная закуска в виде шариков из шпината, свеклы или фасоли, также представлен в различных вариациях, აჯაფსანდალი [ajafsandali] – овощное рагу, საცივი [sacivi] – соус из измельченных орехов с пряностями и специями, часто подается с индейкой, ლობიანი [lobiani] – пироги с начинкой из вареной фасоли, მჭადი [mchadi] – кукурузная лепешка, часто заменяет хлеб, ბადრიჯანი [badrijani] – рулетики из баклажанов с грецкими орехами, ელარჯი [elarji] – кукурузная каша с добавлением сыра, ჩიხირთმა [ch’ikhirt’ma] – густой мясной суп.

Следует также упомянуть, что важнейшей частью гастрономического языкового фонда являются как процессы употребления и приготовления пищи, так и термины, описывающие кухонную утварь и предметы хранения и потребления пищи.

Таким образом, можно сделать вывод, что гастрономия и языковая картина мира являются неразрывными составляющими национальной культуры. Интересно, что в рамках гастрономического дискурса активно

отражаются культурные, языковые, этнические и социально-идеологические картины мира [Джасим В.Н., 2019, с. 120]. Согласно мнению М.В. Ундрицевой глюттонический дискурс представляет собой «особый вид вербально-социального дискурса в совокупности с социально-культурными, религиозно-этическими, лингвофилософскими свойствами, целью которого является достижение глюттонической коммуникации» [Ундрицева В.Н., 2012, с. 86].

Вопросы глюттонического дискурса также освещались в работах таких современных ученых-лингвистов, как П.П. Буркова (2004 г.), Э.А. Гашимова (2005 г.), Н.Н. Данилова (2005 г.), Н.П. Головницкая (2008 г.), А.В. Олянич (2003, 2004, 2008 гг.), Е.В. Плетнева (2006 г.) и др.

Так мы видим, что вопрос глюттонии в современной лингвистике является достаточно обширным и представляет интерес для исследователей с точки зрения изучения языковых и этнокультурных особенностей конкретного народа.

ВЫВОДЫ

1. Подтверждена сложная иерархичная связь между компонентами конкретного лексико-семантического поля. Также в поле выделяют такие составляющие, как ядро, центр и периферия. В ядро входят термины, обозначающие обобщенные понятия, которые являются своеобразным определением конкретного поля. В центре находятся слова, которые являются более сильными выразителями языковой категории данного поля. И в периферии находятся лексические единицы, которые отличаются меньшей интенсивностью выражения семантической категории.

2. Установлено, что понятие функционально-семантического поля включает в себя описание языковых единиц с точки зрения их функционирования на всех уровнях языка. При этом сами лексемы поделены на различные семантические группы, что свидетельствует о системном характере полевого подхода.

3. Функционально-семантические поля, как правило, делятся на два типа: моноцентрические и полицентрические. Первый тип отличается тем, что поля данного типа имеют целостное грамматическое ядро и базируются на грамматической категории. В то время как отличительной чертой полицентрического типа поля является разбиение поля на несколько сфер таким образом, что каждая сфера имеет свой центр и периферию.

4. Выявлены понятия «глюттонического дискурса», глюттонии в общем, а также «глюттонической языковой картины мира» и понятие «глюттонимов». Установлено, что глюттонический дискурс представляет собой особый вид дискурса, исторически и национально обусловленный, который отражает гастрономические, культурные, языковые, этнические картины мира и является основной структурой в повседневной коммуникации. Национально-культурная специфика глюттонического дискурса отражается в различных гастрономических номинациях.

Глава II. Лингвокультурологические особенности арабизмов в грузинском языке как отражение языковой картины мира носителей грузинского языка

2.1. Лексико-семантические группы арабизмов в грузинском языке

Как известно, на протяжении долгого периода времени территория Грузии была подвержена многочисленным нападениям со стороны таких мусульманских народов, как арабы, персы и турки. Более того, порядка 300 лет Сакартвело (грузинское именование Грузии) находилась под правлением арабов. Столица Грузии именовалась в то время «Тбилисским эмиратом»[5], а сам период правления арабов называется «არაბობა» \ «арабоба».

Безусловно, такая ситуация не могла не привести к наличию огромного количества арабских заимствований, которые проникли в грузинский язык прямым или косвенным путем через персидский или турецкий языки. Более того, эти заимствования отличаются высоким уровнем адаптации в грузинском языке, что произошло благодаря некоторым особенностям грузинской грамматики и фонетики. Любопытно, что носители грузинского языка сами не подозревают о том, что многие слова, которые они используют, являются не исконно грузинскими, а арабскими заимствованиями.

Условно лексику, заимствованную из арабского языка, можно поделить на три группы.

Первая группа арабских слов, которые существовали в грузинском в течение конкретного отрывка времени, но затем исчезли, например مغرب [maghrib] (раннее существовало в грузинском языке, но больше не используется) – დასავლეთი [dasavlet'i] (современное обозначение слова «запад») – запад.

[5]Тбилисский эмират — исламское государственное образование под эгидой Арабского халифата существовавшее в Восточной Грузии с 736 по 1122 год и Западной с 735 года до середины IX века.

Ко второй группе слов арабского происхождения можно отнести устаревшие слова, постепенно исчезающие из современного литературного грузинского языка, например بزاز [baza:z] – ვაჭარი [vachari] – купец/торговец, دنيا [dunia] სამყარო/მსოფლიო [samq’aro/msop’lio] – мир/свет [Имедадзе, 2014, с. 30].

Третью группу составляют слова арабского происхождения, принадлежащие к лексическому фонду современного грузинского языка. Они встречаются в выражениях и других словах, образованных от них. Эти слова настолько похожи на фонетическую структуру грузинского языка, что их часто воспринимают не как заимствованные, а как исконно грузинские слова внутри системы грузинского языка. Например: слово ბარაქა [baraqa] от арабского بركة [barakat] – благословление, არაყი [araq’i] от арабского слова عرق [‘rq], слово ფინჯანი [p’injani] – фарфоровая или фаянсовая посуда с небольшой ручкой, предназначенная для питья кофе было заимствовано от арабского فنجان [finja:n] – чашка для питья кофе, чая и т.д [Фенрих, 1964, с. 155].

Трудно выделить какую-либо конкретную семантическую группу, включающую в себя пришедшие из арабского в грузинский слова, так как мы можем сказать, что не существует сферы в грузинском языке, в которую не проникли бы слова арабского происхождения.

Несмотря на то, что эти слова в большинстве случаев сохраняют свое оригинальное значение и в грузинском, иногда они приобретают новый дополнительный семантический оттенок при переводе, и иногда сфера использования их в грузинском отличается от их первоначальной области существования в арабском языке, и бывает их область использования вообще сужается и они встречаются только в определенных контекстах.

Возьмем, к примеру слово ბარაქა [baraqa] – «изобилие, обилие, плодородие», которое происходит от арабского بركة [barakat] – «благословление, небесный дар, благодать». Мы видим, что грузинский

термин является более «земным», относит нас к более земным благам (интересно, что это значение более близко к семантике этого слова в персидском языке, что говорит о том, что оно было заимствовано через персидский), в то время как в арабском языке это слово имеет оттенок чего–то подаренного свыше, Божьей благодати. Эти два слова имеют очень схожее значение, однако в то же время имеют небольшое отличие в своей семантике. Исходя из этого, мы понимаем, что эти два термина будут использоваться в разных контекстах и речевых ситуациях, соответственно, их семантические поля в грузинском и арабском языках тоже будут отличаться.

Возможно, мы можем отнести эти два понятия в группу семантико-стилистических синонимов.

Рассмотрим еще одно слово в качестве примера. Грузинское слово არაყი [araq'i], которое произошло от арабского слова ['rq] عرق, что означает «пот, испарина». В грузинский язык это слово пришло в качестве обозначения крепкого спиртного напитка. Можно предположить, что была проведена параллель между капельками пота и каплями падающими в сосуд при перегонки напитка. Безусловно, мы наблюдаем полное семантическое несовпадение между терминами, и соотносим их между собой только логическим путем. Будет неправильным их относить в ту или иную группу семантических полей, однако в дальнейшем мы рассмотрим семантические поля, в которые будут включены эти лексемы.

Также приведем еще одно слово ფინჯანი [p'injani] – фарфоровая или фаянсовая посуда с небольшой ручкой, предназначенная для питья кофе, которое было заимствовано от арабского فنجان [finja:n] – чашка для питья кофе, чая и т.д. [Фенрих, 1964, с. 155]. Наконец, мы наблюдаем, наверное, полное семантическое совпадение двух терминов. Можем их отнести к «абсолютным» синонимам. Естественно, при наличии полного семантического совпадения мы сможем проследить одинаковые (или почти одинаковые) семантические поля этих слов в разных контекстах.

Интерес представляет грузинское слово ბუხარი [bukhari], которое обозначает «камин» и произошло от арабского بخار [bukha:r] – испарения, пар. Очевидно, что эти термины семантически связаны и в своих семантических полях будут иметь приблизительно похожий набор лексических единиц.

Также возьмем, к примеру, слово ბარათი [barat'i] – письмо, карточка от арабского براءة [bara-at], которое в арабском означает «невиновность, лицензия». Интересно, что общая семантика едва прослеживается между этими двумя словами, однако, опираясь на значения «карточка» и «лицензия» мы можем прийти к выводу, что они в любом случае представляют собой нечто на бумаге. Возможно, некоторая общность семантических полей будет прослеживаться между ними, а также и «пересечение» семантических полей.

С завидной частотностью в современном грузинском языке используется слово арабского происхождения ფიქრი [p'iqri] – мысль, которое произошло от فكر [fikr] – мысль. Интересно наблюдать, что значение абсолютно не утеряно и не претерпело каких-либо семантических трансформаций. Как в грузинском, так и в арабском языках существуют многочисленные глагольные формы от этих существительных.

Очень любопытным также является тот факт, что грузинское слово სუფრა [sup'ra], которое является неотъемлемой частью грузинской культуры и известно людям испокон веков и переводится как «стол, застолье», тоже является заимствованием из арабского от سفرة [sufrat] – обеденный стол.

В современном значении «характер» используется арабизм ხასიათი [khasiat'i], которое произошло от خاصية [khasa:yat] – своеобразность, особенность, характеристика[Имедадзе, 2014, с. 54]. Безусловно, здесь мы прослеживаем явное семантическое сходство, то есть оба термина используются для обозначения конкретных «характеристик, особенностей» человека например.

Любопытные фонетические трансформации пережило арабское слово حكيم [haki:m] – «мудрец, знающий» при переходе в грузинский язык. В

литературном арабском языке данная лексема имеет еще одно значение – «целитель». Впервые слово აქიმი [aqimi] встречается в письменных грузинских памятниках в XI веке, в частности, в «Несравненном карабадине». Котетишвили Л., являясь редактором упомянутого текста и составителем словаря, указывает на то, что данная лексема является арабско–персидской, которая происходит от ჰექიმ [heqim] или ჰაქიმი [heqimi], что означает «мудрость, знание», значение имеет философский оттенок, однако в грузинском языке обрело значение «доктор». Приблизительно с XV века встречается форма ექიმი [eqimi], которая используется уже в современном грузинском языке в значении «врач» [Одилавадзе, 2002].

Рассмотрим слово ღალატი [ghalati], которое в современном грузинском языке означает «предательство, измена» и произошло, в свою очередь, от арабского غلط [ghalat] – «ошибка, вина, предательство». В первом случае семантика лексемы указывает больше на «измену», то есть низкий предательский поступок, в то время как в арабском оно чаще означает именно «ошибку» любого рода.

В современном разговорном языке также часто используется слово арабского происхождения მასხარა [maskhara] от مسخرة [maskharat] – «предмет насмешек, посмешище, вызывающий смех».

По своей природе эта лексика очень разнообразна, и даже небольшие отклонения от оригинала указывают на значительные смысловые и функциональные изменения в грамматике, а некоторые заимствованные слова настолько часто используются, что стали устойчивыми выражениями.

Как известно, заимствование иностранной лексики в ее первоначальном виде, сохраняя всю ее систему звуков, форму и значение, происходит крайне редко, так как такой способ подразумевает значительные изменения в системе языка-реципиента и носители избегают его, заменяя чуждые элементы в иностранном слове элементами, присущими конкретному языку. Таким образом, носители принимающего языка в

процессе заимствования иностранной лексики и при передаче ее элементов на свой язык руководствуются принципом аналогии.

Это представляет огромный интерес для изучения этого набора лексики в современном языке, который отражается в повседневной жизни жителей Грузии.

Выше мы перечислили небольшое количество слов (по сравнению с тем, сколько их еще на самом деле), которые активно используются современной грузинской речи, однако являются заимствованиями из арабского.

2.2. Особенности грамматической адаптации арабских заимствований в грузинском языке

Как было сказано выше, теория лексико-семантических полей не имеет единого и исчерпывающего определения, однако, проанализировав работы ученых-лингвистов, мы делаем вывод, что структура лексико-семантических полей является достаточно иерархичной и включает в себя слова из разных морфологических категорий, которые относятся к одному общему термину.

По структуре выделяют моноцентрические и полицентрические типы ФСП.

Моноцентрические ФСП делятся на поля с целостным ядром (темпоральность, модальность, активность/пассивность) и на поля с комплексным ядром, опирающиеся на комплекс взаимодействующих языковых средств, которые могут относиться к разным уровням языка (длительность, временная локазлизованность).

Полицентрические ФСП характеризуются разбивкой на несколько сфер, каждая из которых имеет центр и периферию.

Пример: бицентрическое ФСП посессивности имеет атрибутивный центр (мой дом) и предикативный центр (у меня есть дом).

Полицентрические ФСП бывают рассеянной и компактной структуры:

а) ФСП рассеянной (диффузной) структуры – множественность слабо связанных друг с другом или изолированных разнородных компонентов с нечеткой границей между центром и периферией: ФСП определенности/неопределенности;

б) ФСП компактной структуры – с явно выраженными центрами: ФСП таксиса (зависимого и независимого).

Таким образом, грамматика, построенная на анализе функционально-семантических полей, позволяет охватить практически все аспекты русского языка, поскольку ФСП отличаются функциональной полнотой и формальной неограниченностью.[6]

Единицы различных семантических объединений могут входить сразу в несколько групп, благодаря чему лексика связывается различными отношениями [Васильев, 1990, с. 123]. Подавляющее большинство ученых выводят следующую структуру функционально-семантического поля: ядро, центр и периферия, лексические единицы которой могут относиться к сегментам иных семантических полей.

Приведем в пример поле «еда\питье». Очевидно, данное поле является довольно большим, а единицы поля, соответственно, связаны между собой иерархично парадигматическими отношениями. Лексическими единицами ядра данного поля являются в грузинском языке слово საჭმელი [sachmeli] «еда\питье» и в арабском أَكْل [akl]. Для более детального изучения сем лексико-семантического поля «еда\питье» мы изучили дефиниции этих терминов.

Согласно электронным источникам грузинское слово საჭმელი имеет следующее определение:

საჭმელი — ყველაფერი, რასაცცოცხალიორგანიზმებიჭამისათვისიყენებენ. \ *Все, чем питаются живые организмы.*

[6]Функционально-семантическое поле. URL: https://allrefrs.ru/4-4108.html (дата обращения 03.06.2022)

В то же время арабское слово **الأكل** имеет довольно похожее значение согласно источникам:

الأكل هو ابتلاع الطعام لتوفير جميع الاحتياجات الغذائية أو الدوائية لـ الكائنات الحية، لا سيما الطاقة والنمو. *Еда – это прием пищи для удовлетворения всех пищевых и фармакологических потребностей живых существ, особенно для получения энергии и роста*

Анализ указанных выше дефиниций указывает на то, что «еда» в обоих языках описывается как естественная потребность живых организмов в потреблении пищи (любой) для возможности продолжения жизнедеятельности. Также мы видим, что под словом «еда» подразумевается всякого вида пища, в том числе напитки. Безусловно, у большинства людей при слове «еда» появляются сразу ассоциации со словами, которые находятся в центре данного лексического поля и, соответственно, лучше всего его описывают, например такие слова, как мясо, овощи, фрукты, напитки. Они являются общими понятиями для именования конкретных лексических единиц, описывающие конкретные предметы пищи, поэтому мы считаем они лучше всего описывают поле «еда\питье».

С целью описания степени адаптации арабских заимствований в грузинском языке предлагаем сравнить морфологические характеристики грузинского и арабского языков с точки зрения прослеживания путей приспосабливания слов арабского происхождения в грамматической структуре грузинского языка.

Генетически арабский язык относится к семитской семье языков, классу синтетических языков, а также типологически является флективным языком, в котором при словообразовании корень может изменяться за счет присоединения флексии (внутренняя флексия) и аффиксации, одна флексия может заключать в себе несколько грамматических признаков. Например: مُدَرّسُونَ[mudarrisu:n] – преподаватели, корень второй породы دَرَّسَ [darrasa] – учить/обучать, префикс автора действия مُ [mu], окончание множественного числа имен одушевленных мужского рода в именительном падеже ونَ [u:n].

Грузинский язык, в свою очередь, генетически принадлежит к картвельской языковой семье, агглютинативного типа. Словообразование в грузинском происходит путем добавления морфем с одним единственным значением, не подверженным изменениям. Например: მასწავლებლები[matsavleblebi] – преподаватели, корень - სწავლება(stsavleba) – обучение, მა___ე (ma__e) – префикс, обозначающий профессии, род деятельности, ებ[eb] – окончание множественного числа, ი [i] – показатель именительного падежа.

Таким образом, мы видим, что значение флексий в арабском и грузинском языках отличается по своей функциональности, можно говорить о том, что для флексий арабского языка характерна «универсальность», которая дает возможность заключить в одной флексии слова больше информации, когда словообразование в грузинском языке согласно агглютинативному типу происходит иным образом. Для обозначения какого-либо одного грамматического показателя существует одна морфема, что делает слово более громоздким.

Что касается глагола в обоих языках, то он является самой любопытной частью речи как в арабском, так и в грузинском языке, представляя собой самую сложную с точки зрения изучения часть речи. И вместе с этим, рассматривая структуру глагола в обоих языках, можно проследить схожесть системы глагола, что обуславливает легкость приспосабливания арабизмов в системе грузинского языка. Так, например, как в арабском, так и в грузинском можно говорить о “породности” глагола, активном участии масдара в жизни обоих языков и их многофункциональности, то есть при помощи определенных морфем обозначить в одном слове объекта и субъекта действия, а также указать на время и лицо глагола. Например, მომწერს[momtsers] – он/она (в грузинском языке отсутствует понятие рода) мне напишет, მო[mo] – приставка, обозначающая приближение в сторону говорящего (объекта), მ[m] –

показатель объекта (1 лицо, ед. ч.), წერ[tser] – корень слова, ს[s] – суффикс 3-го лица, единственного числа. Так же возьмем в качестве примера арабское слово سَيَكْتُبْنِي [sayaktybni] – он мне напишет, سَ [sa] – приставка, показатель будущего времени, ي [ya] – префикс, показатель настоящего/будущего времени в третьем числе, единственном числе, мужского рода, كَتَبَ [kataba] – корень слова, ني [ni] – окончание в виде слитного местоимения, обозначающее объекта действия.

Более того, говоря о грузинском глаголе, стоит отметить, что он не имеет формы, известной в индоевропейской системе под названием инфинитива, в этом отношении он снова сходен с языками семитской группы, в том числе с арабским, так как ему свойственна та же форма имени действия, которая именуется в арабской грамматике как масдар. В грузинском языке имя действия является одновременно и отглагольном именем, в качестве какового он может склоняться по всем падежам [Руденко, 1940, с.84–112].

В обоих языках масдар достаточно активно участвует в процессе функционирования языка и часто употребляется в местах, где в русском языке используется инфинитив.

Таким образом, можно сделать вывод, что системы арабского и грузинского языков имеют общие морфологические признаки, что облегчает функционирование слов арабского происхождения в грамматической системе грузинского языка, несмотря на их принадлежность к разным типам.

Говоря о склонении имен в обоих языках, стоит сказать о том, что как в арабском, так и в грузинском существует падежная система, что является одним из признаков того, что эти языки относятся к синтетическому типологическому классов языков.

Что касается морфосинтаксической типологии, то грузинский язык относится к эргативной языковой типологии, в то время как арабский – к номинативной.

В номинативном строе предложение в языке строится вокруг автора действия, который в свою очередь стоит в именительном падеже (например: «мальчик читает книгу»), а в эргативных языках предложение строится вокруг пассивного объекта (например: «книга читается мальчиком»), то есть, можно сказать, что в языке преобладают пассивные конструкции, которые образуются путем наличия специального Эргативного падежа, который встречается в исторически изолированных языках (шумерском, баскском, австралийском и кавказских языках). Таким образом, данной своеобразной эргативной конструкции в предложении вместо падежей обычной номинативной конструкции именительного – вместо субъекта и винительного (в грузинском винительно-дательного) – для объекта – в эргативной конструкции логический субъект (подлежащее) стоит в эргативном падеже, а логический объект (прямое дополнение) – в именительном. Однако в ГЛЯ мы встречаем эргативную конструкцию как безусловное правило только во второй группе времен, к которой относятся прошедшее совершенное время и сослагательное-желательное будущее, в то время как в других временах она отсутствует. Например: ბიჭმასურათიდახატა[bichmasurat'idakhata] – «мальчик нарисовал картину» (прошедшее совершенное).

ბიჭმასურათიუნდადახატოს(bichmasuratiundadakhatos) – мальчик должен нарисовать картину (сослагательно-желательное).

Как мы видим, в этих временах работает эргативная конструкция, в которой подлежащее (мальчик) стоит в эргативном падеже, а прямое дополнение (картина) – в именительном. Стоит также обратить внимание на то, что мы ни в коем случае не будем переводить эргативную конструкцию пассивным залогом – «картина рисуется мальчиком», так как данная конструкция для носителей языка выглядит активной [Руденко, 1940, с.170–171].

В арабском языке, как и в подавляющем большинстве языков, отсутствует подобная конструкция, однако пассивность также распространена и в арабском.

Исходя из вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что арабский и грузинский языки относятся к разным языковым и морфосинтаксическим типам и достаточно различны в словообразовании, но они оба относятся к одному типологическому строю синтетических языков, а также мы находим общие элементы в глагольных системах языков, среди них: наличие понятия породности глагола, масдара или отглагольного имени, в обоих языках глагол полноценно спрягается по лицам и числам и более того является, так сказать, универсальным, то есть может заключать в себе субъекта и объекта действия в одном слове.

Безусловно, в процессе перехода лексической единицы из одного языка в другой конкретный термин претерпевает ряд трансформаций и изменений в языке-реципиенте, ввиду грамматических, фонетических и культурных различий. Не являются исключением и арабизмы в грузинском языке, некоторые из которых подверглись настолько значительным трансформациям, что зачастую сложно в них узнать арабское происхождение.

2.3. Особенности фонетической адаптации арабских заимствований в грузинском языке

Говоря о фонетических трансформациях, стоит сказать, что в грузинском языке некоторые арабские фонемы, являясь чуждыми природе грузинского языка, специально не произносятся, например: согласные арабского алфавита ح и ع часто не произносятся в начале и в середине слова. Также в арабизмах в грузинском языке стираются различия между арабскими межзубными звуками и эмфатическими звуками ظ ط ص ض из–за отсутствия аналогичных звуков. Но при этом слова арабского происхождения, непосредственно ассимилированные в грузинском языке,

продолжают насыщенно звучать за счет богатого набора звуков грузинских согласных [Андроникашвили, 1996, с. 299].

В словах арабского происхождения, входящих в лексический состав грузинского языка, хорошо прослеживаются фонетические и семантические трансформации, такие как: снижение звонкости звука, потеря конкретного фонетического звука, ассимиляция и диссимиляция.

Стоит отметить то, что сам процесс заимствования контролируется непосредственно языком «принимающим», он определяет, какие слова будут заимствованы и в каком виде. Окончательная полная адаптация слова основана на базе лингвистических законов воспринимаемого языка и в первую очередь этот процесс должен быть основан на факторе аналогии. На этом этапе определяется точное согласование звуков между двумя языками, на основе чего объясняется все остальное, включая возможные отклонения от языковой системы оригинала и что более важно – различные случайные и неслучайные явления в заимствованном слове. В результате может произойти так, что тот или иной фонетический элемент совпадает только с третьим промежуточным языком, но, несмотря на это, он будет продолжать нести в себе проявления имманентной структуры языка оригинала. Таким образом, фонетические изменения арабизмов в грузинском языке различны, среди них – замещение звуков, падение звука и диссимиляция.

В арабской системе согласных звуков существуют такие специфические звуки, как эмфатические, межзубные и др., которые отсутствуют в грузинском языке, а система гласных звуков в словах арабского происхождения передается в грузинском своим отдельным способом. Кроме того, часто позиционные варианты одной фонемы в арабском языке передаются на грузинский разными фонемами. В то же время, в некоторых случаях при неопределенных фонемах слово может претерпеть фонетическую трансформацию уже после того, как оно «огрузинилось».

Система гласных в литературном арабском языке отличается тем, что она не изменилась со времен доклассического периода арабского языка и существует в таком же виде по сей день. Фонологически ценные звуки в вокальной системе арабского языка контрастируют друг с другом по длине и тембру. Фонетическая реализация гласных звуков в арабском обусловлена позиционными и историческими факторами и создает гораздо более дифференцированную систему, основанную на противопоставлении тембра и длины.

В арабском языке вариабельность гласных – это фонетическое, а не грамматическое явление, поэтому они игнорируются на письме и не имеют отличительных знаков. На грузинском языке возможно точно отразить звук аллофонов (вариант реализации фонемы в рамках конкретного фонетического окружения) в арабских заимствованиях [Имедадзе, 2014, с. 177–179].

Говоря непосредственно о фонетических трансформациях в языке, стоит упомянуть о том, что в литературном арабском языке, как известно, отсутствуют такие звуки как [о] и [э], но несмотря на это мы их находим в словах арабского происхождения в грузинском языке.

Короткие арабские гласные звуки [а] [у] [и] в арабских словах передаются на грузинский звуками [а] [у] [и] [э].

Рассмотрим некоторые примеры:

[А] в анлауте (в начале слова) арабский короткий звук [а]:

араб. عرق [‘rq] (пот, испарина) – груз. არაყი [araq’i] (спиртной напиток);

араб. بركة [barakat] (благословление) – груз. ბარაქა [baraqa] (изобилие, плодородие);

Арабский долгий звук [А] в анлауте и ауслауте (конце слова):

араб. بخار [bukha:r] (испарения, пар) – груз. ბუხარი [bukhari] (камин);

араб. براءة [bara-at] (невиновность, лицензия) – груз. ბარათი [barat’i] (письмо, карточка);

араб.لماز [lama:z] (насмешник) – груз. ლამაზი [lamazi] (красивый).

Арабский звук [и] так же звучит как [и] в грузинском в анлауте:

араб. فكر [fikr] (мысль) – груз. ფიქრი [p’iqri] (мысль);

Арабский звук «у» в инлауте и анлауте:

араб. سفرة [sufrat] (обеденный стол) – груз. სუფრა [sup’ra] (стол, застолье);

араб.بخار [bukha:r] (пар, испарение) – груз. ბუხარი [bukhari] (камин);

Арабский звонкий фарингальный фрикативный звук ع [айн] при переходе в грузинский теряется в аутлауте, инлауте и ауслауте:

араб. عرق [‘rq] (пот, испарина) – груз. არაყი [araq’i] (спиртной напиток);

Арабский фарингальный глухой звук [h] теряется при переходе в грузинский в анлауте и инлауте:

араб.احمق [ahmaq] (глупый, злой) – груз. ამაყი [amaq’i] (гордый, надменный);

Арабский велярный звук [kh] передается грузинским [kh]:

араб. خاصية [khasi:yat] (характерная черта, особенность) – груз. ხასიათი [khasiat’i] (характер).

Арабский звонкий велярный звук [g] передается на грузинский через [kh]:

Арабский звук «g» передается грузинским «gh» в анлауете и инлауте:

араб. غلة [galat] (сбор, доход) – груз. ღალა [ghala] (подать, налог);

Арабский эмфатический глухой звук [t] передается твердым глухим «t»:

араб. غلط [galat] (ошибка, неправильность) – груз. ღალატი [g’alati] (предательство, измена).

Арабский губно-губной согласный звонкий смычный звук [b] передается на грузинский губно-губным звуком [b] в анлауте, инлауте и ауслауте:

араб. بركة [barakat] (благославление) – груз. ბარაქა [baraqa] (изобилие, плодородие);

Арабский губной–зубной глухой согласный звук [f] передается на грузинский при помощи [p’] в анлауте, инлауте и ауслауте:

араб. فكر [fikr] (мысль) – груз. ფიქრი [fikri] (мысль);

Арабский зубной глухой сибилянтный эмфатический звук [s] передается на грузинский глухим звуком [s].

араб. خاصية [khasa:yat] (характерная черта, особенность) – груз. ხასიათი [khasiat’i] (характер).

Арабский зубной сибилянтный не эмфатический звук [s] передается на грузинский звуком [s]:

араб. سوداء [souda-] (черный) – груз. სევდა [sevda] (печаль, тоска);

Арабский среднеязычный смычный глухой звук [k] передается на грузинский при помощи мягким придыхательным глухим звуком [q]:

араб. بركة [barakat] (благославление) – груз. ბარაქა [baraqa] (изобилие, плодородие);

араб.فكر [fikr] (мысль) – груз. ფიქრი [p’iqri] (мысль).

Также арабский звук [q] передается на грузинский гортанным смычным твердым звуком [q’]:

араб. قهوة [qaghua] (кофе) – груз. ყავა [q’ava] (кофе);

араб. عرق [‘rq] (пот, испарина) – груз. არაყი [araq’i] (спиртной напиток);

Арабский губно-губной звонкий фрикативный звук [u] передается грузинским [v] в интервокальной позиции и если ему предшествует гоморганная согласная:

араб. قهوة [qahuat] (кофе) – груз. ყავა [q’ava] (кофе)

Арабские дифтонги [оу] и [эй] передаются на грузинский через звукосочетания [a], [ev], [o], [e], [ei]:

араб. سوداء [souda-] (черный) – груз. სევდა [sevda] (грусть, печаль);

араб. زيت [zayt] (масло) – груз. ზეთი [zet'i] (масло);

Таким образом, проследив возможные фонетические трансформации в словах арабского происхождения при переходе в грузинский язык, мы можем сделать вывод о том, что фонетические системы двух языков достаточно различны, и не для всех арабских звуков в грузинском существует аналогичные им, среди них эмфатические, межзубные, звук [айн] (который вообще теряется), долгие звуки переходят в обычные короткие звуки, в некоторых случаях одна арабская фонема может передаваться на грузинский язык с помощью разных фонем. Все эти различия в фонетических системах языков зачастую приводят к тому, что слово, являясь арабским по происхождению, претерпевает столько фонетических трансформаций при переходе в грузинский из–за отсутствия альтернативы конкретному арабскому звуку в грузинском языке, что сложно бывает в нем отследить арабский оригинал.

Так проведя сопоставительный анализ арабского и грузинского языков, а также проследив процесс фонетических трансформаций, которые претерпевает лексика арабского происхождения при переходе в грузинский язык, можно заключить следующее: грамматические системы обоих языков в одинаково высокой степени развиты, что способствует арабским заимствованиям полностью адаптироваться в грузинском языке и принимать активное участие в функционировании языка. Более того, от слов арабского происхождения до сих пор происходит образование новых форм, что говорит о продуктивности заимствованной лексики. И, наконец, фонетическая система грузинского языка достаточно богата, чтобы передать большинство арабских звуков на грузинский язык.

ВЫВОДЫ

1. Подтверждено положение о том, что эпоха арабского господства в Грузии оказала огромное влияние на развитие ее истории, культуры, особенности формирования национального сознания, а также языка: за время пребывания арабов на территории Грузии в течение более 300 лет, грузинским языком было заимствовано огромное количество лексических единиц арабского происхождения.

2. Установлено, что в грамматических системах арабского литературного и грузинского литературного языков есть общие элементы, которые способствуют процессу адаптации, в результате которойот арабских заимствований продолжают образовываться новые слова в современном грузинском языке, что говорит о продуктивности заимствованной лексики.

3. Выявлено, что несмотря на отсутствие в фонетической системе грузинского языка альтернативы некоторым арабским звукам, она оказалась способна к достаточно точной фонологической адаптации арабизмов в заимствующем языке, что говорит об уровне ее развитости.

Глава 3. Лингвокультурологические особенности функционально-семантического поля глюттонических арабизмов в грузинском языке

3.1. Лингвокультурологические особенности глюттонических арабизмов в грузинском языке как отражение глюттонической картины мира носителей грузинского языка

Грузия расположена на перекрестке Европы и Азии, между Черным и Каспийским морями, граничит с Россией на севере и Турцией и Ираном на юге. География страны простирается от мандариновых садов и чайных плантаций вдоль побережья Черного моря через заснеженные горы Кавказа на севере, до холмов винодельческих регионов страны на востоке. Ее расположение вдоль древнего Шелкового пути сделало ее космополитическим узлом для купцов и путешественников из Средиземноморья, Персии, Ближнего Востока, России и Центральной Азии.

Своеобразная богатая история страны проявляется во вкусах и ароматах, которые сегодня отражаются на грузинском столе: от баранины, тушенной в тархуне и белом вине, до пахнущей медом выпечки и тушеных блюд с ароматом граната, кинзы и чеснока. Местные фрукты, овощи, бобы, орехи и травы в изобилии делают грузинскую пищу одной из самых богатых витаминами на планете. Грузия также считается родиной вина. Люди в Грузии ферментируют виноград уже более 7000 лет. Лозы винограда пересекают страну по всей ее территории, а домашнее виноделие по-прежнему активно практикуется.

Важной составляющей грузинской традиции является культ застолья. Стоит сказать, что традиция застолья в Грузии имеет некоторые отличительные особенности, которые могут быть чуждыми европескому человеку. Сидя за столом, люди обслуживают себя из общих тарелок, стоящих в центре стола, наполняя свои тарелки то одним, то другим блюдом в течение трапезы. Лучший способ познакомиться с грузинской кухней – это

супра или застолье под руководством тамады. Вместо того, чтобы подавать блюда порционно, супра стремится шокировать и вызвать благоговейный трепет, демонстрируя изобилие. Многие грузинские блюда предназначены для подачи при комнатной температуре, а те, которые должны подаваться горячими, выносятся на стол во время трапезы. По мере поступления дополнительных блюд они дополняют, а не заменяют предыдущие. Когда каждый квадратный дюйм доступного пространства занят, полные тарелки складываются поверх других блюд, чтобы обеспечить максимальный визуальный эффект. Семьи могут провести супру в своем доме, чтобы отпраздновать день рождения, помолвку или приход гостей.

Как мы видим, культ застолья в Грузии является старейшей традицией, которая не теряет своей актуальности и по сей день. Безусловно, это отражается и в грузинском языке, который полон арабскими заимствованиями, большой процент которых, как было сказано раннее, приходится на поле «еда/питье».

Безусловно, грузинская «картина мира» отличается от арабской и, соответственно, это относится и к культуре застолья, ввиду чего заимствованные слова из арабского языка в грузинском подверглись некоторым семантическим трансформациям и некоторые из них приняли в грузинском языке иной оттенок.

Ниже приведем общий список заимствований из арабского в грузинском языке, которые на сегодняшний день активно используются в языке в контексте изучаемого намифункционально-семантического поля:

სუფრა [sufra] – «стол, застолье»\ سفرة [sufrat] – «обеденный стол»;

მაგიდა [magida] – «стол» \ مائدة [ma:ida] – «обеденный стол»;

ქეიფი [qeifi] – «пир, праздник, банкет, веселье, удовольствие» \ كيف [keyf] – «удовольствие»;

ბოსტანი [bostani] – «огород» \ بستان [bustan] – «сад»;

ყავა [q’ava] – «кофе» \ قهوة [qaghua] – «кофе»;

არაყი [araq’i] – «водка» \ عرق [‘rq] – «пот»;

ფინჯანი [finjani] – «чашка кофейная» \ فنجان [finja:n] – «чашка, кружка»;

ჯამი [jami] – «миска» \ جمع [jama’] – «собирать, коллекционировать»;

ქამა [qama] – «шампиньон» \ كَمْأَة [kamat] – «гриб»;

ქაბაბი [qababi] – «кебаб» \ كَبَاب [kaba:b] – «кебаб»;

ტარხუნა [tarkhuna] – «тархун» \ طَرْخُون [tarkhu:n] – «тархун»;

ტაბაკი [tabaki] – «деревянное блюдо круглой формы» \ طَبَق [tabaq] – «тарелка, блюдо»;

თურინჯი [t’urinji] – «помело» \ تُرُنْج [turunj] – «цитрон»;

ზაფრანა [zafrana] – «шафран» \ زَعْفَرَان [z’fra:n] – «шафран»;

მაყალი [maq’ali] – «мангал» \ منقل [manqal] – «мангал, жаровня»;

მურაბა [muraba] – «варенье» \ مربة [murabat] – «варенье»;

ბარაქა [baraqa] – «плодородие, изобилие» \ بركة [barakat] – «благославление»;

ფორთოხალი [fort’okhali] – «апельсин» \ برتقال [burtuqa:l] – «апельсин»;

ზეთი [zet’i] – «масло (подсолнечное)» \ زيت [zeyt] – «масло»;

თასი [t’asi] – «чаша, кубок» \ طَاس [ta:s] – «чаша, кубок, ковш»;

ყასაბი [q’asabi] – «мясник» \ قَصَّاب [qasa:b] – «мясник».

Как мы видим все эти термины входят в разные микрополя одного большого функционально-семантического поля «еда/питье», а некоторые из них, очевидно, находятся на пересечении разных функционально-семантических полей. Любопытно, что подавляющее число вышеперечисленных слов находятся не в центре, а в ближней и дальней периферии поля, из чего мы можем прийти к выводу о том, что, так называемые, обобщающие слова, описывающие сущность конкретных терминов не имеют арабского происхождения, что сохраняет национальную

идентичность и уникальность грузинского языка. Большинство слов являются лексическими единицами, обозначающими отдельно взятые предметы пищи или предметы, приборы хранения и употребления еды.

Таким образом, выше перечисленные термины можно поделить на следующие тематические группы семантического поля «еда/питье».

Таблица 5 – Тематические группы семантического поля «еда/питье»

Тематические группы	**Термин арабского происхождения в грузинском языке**
Стол	სუფრა*(стол, застолье);* მაგიდა*(стол);* ქეიფი*(пир, веселье);* ბარაქა *(изобилие, плодородие)*
Напитки	ყავა*(кофе);* არაყი*(водка)*
Фрукты	თურინჯი*(помело);* ფორთოხალი*(апельсин);* ბარაქა *(изобилие, плодородие)*
Мясные блюда	ქაბაბი*(кабаб);* მაყალი *(мангал)*
Травы	ტარხუნა*(тархун);* ზაფრანა *(шафран)*
Масла	ზეთი*(масло)*
Консервы	მურაბა*(варенье);*
	ვარდისმურაბა*(варенье из розы)*
Сад	ბუსტანი*(огород);* ბარაქა *(изобилие, плодородие)*
Профессии в сфере кулинарии	ყასაბი*(мясник)*
Предметы пользования и хранения пищи	ფინჯანი*(кофейная чашка);* მაგიდა *(стол);* ჯამი*(миска);*

	ტაბაკი*(деревянное блюдо круглой формы);* მაყალი *(мангал);* თასი*(чаша, кубок)*
Грибы	ქამა*(шампиньон)*

Мы еще раз более наглядно убедились в том, что термины арабского происхождения затронули абсолютно все сферы гастрономического аспекта языка и одновременно могут входить в состав разных семантических микрополей. Например, как слово ბარაქა [baraqa] – «изобилие, плодородие» мы поместили сразу в три терминологические группы: стол, фрукты и сад, так как в первой группе оно зачастую употребляется в тостах тамады на застолье и имеет в этом случае подтекст «изобилия в семье в любых его проявлениях». В тематических группах «сад» и «фрукты» этот термин используется в значении «плодородие», применяемое в контексте урожая.

Также интересно наблюдать, как каждая тематическая группа представляет собой безграничный набор терминов, расположенных иерархичной цепочкой. Например, в тематической группе «консервы» мы встретили лексему მურაბა [muraba] – «варенье», которое, в свою очередь, также расширяет это микрополе лишь за счет существования различных видов варенья, так мы выделили ვარდისმურაბა – «варенье из розы», так как слово ვარდი [vardi] – «роза» является также арабским заимствованием в грузинском языке от лексемы وردة [uarda] – «роза». Интересно, что слово «роза» является обозначением цветка, но в то же время благодаря связующему элементу лексемы «варенье», слово «роза» также входит и в семантическое поле «еда\питье» и находится в ареале дальней периферии этого поля.

Стоит также сказать, что арабизмы в глюттонической языковой картине мира грузинского языка достаточно активно функционируют, этому свидетельствует то, что от терминов арабского происхождения в

современном грузинском языке образуются новые слова и другие части речи. Приведем в пример интересное слово ქეიფი [qeifi] – «пир, веселье» от арабского كيف [keyf] – «удовольствие». От этого термина также существует глагольная форма, которая активно используется в современном разговорном грузинском языке, например, ქეიფობს [qeifobs] – «он пирует \ веселится», также появилось причастие от этого слова მოქეიფე [moqeife], которое имеет два значения: 1. Участник веселья \ застолья; 2. Любитель веселья \ застолья. Для лучшего понимания данного термина, наверное, необходимо дать его более точное определение: ქეიფი [qeifi] – это когда много человек сидят за столом, едят и пьют вино, что сопровождается весельем, танцами и песнями.

Таким образом, мы еще раз увидели, что арабские заимствования в грузинском языке отличаются высоким уровнем адаптивности в грузинском языке, в частности, это относится и к глюттонической языковой картине мира грузинского языка.

3.1.1. Лексические средства как отражение лингвокультурологических характеристик глюттонических арабизмов концепта «еда/питье» в грузинском языке

С целью описания лингвокультурологических особенностей арабизмов-глюттонимов в контексте концепта «еда\питье» были изучены рецепты грузинской национальной кухни, содержание меню ресторанов, а также фразеологизмов, посвященных культуре пищи на грузинском языке, а также проанализированы слова арабского происхождения в описаниях рецептов, списках ингредиентов и названий блюд.

Как было сказано ранее, группа арабизмов-глюттонимов в семантическом поле грузинского языка «еда\питье» представляют собой абсолютно различные лексические единицы из разных тематических групп семантического поля.

Возьмем к примеру слово ფორთოხალი [fort’okhali] – «апельсин». Чаще всего в контексте рецептов эта лексема встречается в коллокации ფორთოხლისწვენი [fort’okhlis tsveni] – «апельсиновый сок», что говорит нам о том, что слово «апельсин» также находится на перекрестке микрополей «фрукты» и «соки», которые, в свою очередь, находятся в поле «напитки», то есть можем сказать, что «апельсиновый сок» находится на среднем уровне периферии поля «еда\питье».

К слову о лексеме ბოსტანი [bostani] – «огород», интересно, что от этого арабизма также было образовано новое слово ბოსტნეული [bostneuli] – «овощи», которая активно используется в текстах разных рецептов, например, ბოსტნეულისბულიონი [bostneulis bulioni] – «овощной бульон». Интересно, что лексема ბოსტნეული [bostneuli] является обобщающим термином или же, так называемым, гипонимом в цепочке слов, обозначающих отдельные единицы овощей. Любопытно, что арабизм ბოსტნეული [bostneuli] находится в центре функционально-семантического поля «еда\питье» согласно нашей таблице 1. Как мы видим термин ბოსტანი [bostani] еще раз указывает на активное функционирование лексики арабского происхождения в грузинском языке.

Говоря о слове სუფრა [sufra] – «стол, застолье», то стоит сказать, что оно также часто употребляется в двух значениях в контексте рецептов: 1. სუფრისკოვზი [sufris kovzi] – «столовая ложка»; 2. И непосредственно в значении «стол» в контексте «вынести готовое блюдо на стол». Данный арабизм имеет большое значение в культуре грузинского языка, однако с точки зрения его положения внутри рассматриваемого нами поля, он находится в ареале средней периферии поля.

Безусловно, часто встречается арабизм ზეთი [zet’i] – «масло» не только в значении непосредственно «масло» в миллилитрах для приготовления какого-либо блюда помимо этого данное слово употребляется

в форме прилагательного, например, ზეთიანიტაფა [zet’iani t’afa] – «масляная сковородка», также слово ზეთი встречается, например, в коллокации: ს/კოვზიზეთი [s\kovzi zet’i] – «столовая ложка масла». Отметим высокий уровень адаптивности этого арабизма, о котором свидетельствует то, что от этого слова образовалось новая часть речи «масляный» по правилам грузинской грамматики.

В рецептах, посвященных приготовлению птицы, встречается слово ბატი [bati] – «гусь», которое мы также считаем арабизмом от арабского بطة [bata] – «утка» (для обозначения термина самой «утки» в грузинском языке существует иное определение). Здесь мы еще раз наблюдаем явление в лингвистике, когда одна лексическая единица входит в состав двух разных семантических полей, то есть слово «гусь» находится внутри поля «животные» и в дальней периферии поля «еда\питье».

Встречаются и предметы хранения еды арабского происхождения, например, слово თასი [t’asi] – «миска» в текстах описания приготовления блюд: «…მოვათავსოთთასშიგატარებულინიგოზი…»[7] [movat’avsot’ t’asshi gatarebuli nigozi] - «… положим в миску измельченные грецкие орехи…». Очевидно, что лексема თასი [t’asi] находится в дальней периферии поля, но не смотря на это, она довольно часто фигурирует в различных гастрономических контекстах.

Уделим также внимание арабизмам в тематическое группе «травы» и «приправы». В процессе приготовления грузинских блюд особенное внимание уделяется именно искусному использованию данных ингредиентов. Так во многих рецептах встречается арабизм ზაფრანა [zafrana] – «шафран» от арабского زعفران [za’fra:n] – «шафран». Интересно, что ингредиент «шафран» зачастую заменяется термином ყვითელიყვავილი [q’vit’eli q’vavili] – «желтый цветок».

[7]ბადრიჯანინიგვზითთანამედროვეინტერპრეტაციით \ *баклажаны с орехами, современная интерпретация* URL:https://samzareulo.net/receptebi/110-badrijani-nigvzit.html (дата обращения 02.06.2022)

Или, например, лексема ტარხუნა [tarkhuna] – «тархун» арабизм от طرخون [tarkhu:n] – «тархун» часто используется как в списке ингредиентов, так и в названиях блюд: «მწვანეტყემალი (ალუჩა) ტარხუნით» [mcvane tq’emali (aluch’a) tarkhunit’] – «зеленый ткемали (из алычи) с тархуном», в списке ингредиентов также встречается тархун, например, 3 შეკვრა ტარხუნა [3 shekvra tarkhuna] – «3 пучка тархуна». Можно сделать вывод, что слово ტარხუნა [tarkhuna] хоть и находится в дальней периферии поля, однако является достаточно частотно употребляемым термином внутри поля «еда\питье» ввиду особенностей и специфики грузинской кухни.

Естественно, в каждом рецепте встречается такая приправа, как პილპილი [pilpili] – «черный перец» от арабского فلفل [fulful] – «перец». Часто это слово встречается в коллокации შავი პილპილი [shavi pilpili] – «черный перец».

В текстах многих рецептах фигурирует лексема ისპანახი [ispanakhi] – «шпинат» от арабского سبانخ [saba:nikh] – «шпинат», которую мы будем относить к средней периферии семантического поля «еда\питье» и вносить ее в тематическую группу «приправы» и «травы».

Говоря о травах, стоит также упомянуть слово რეჰანი [rehani] – «базилик» от арабского ريحان [reyha:n] – «базилик», который также будет входить в состав лексики средней периферии и будет являться гиперонимом в цепочке соотношений «травы».

В рецептах, посвященных приготовлению выпечки часто встречается ингредиент დარიჩინი [darich’ini] – «корица» от арабского языка دارصيني [da:rsi:ni] – «корица».

В названиях блюд также зачастую используется арабизм ქამა [qama] – «шампиньон», например, «ქამასოკოსჩაშუშული»[8] [qama sokos ch'ashushuli] – «тушеные шампиньоны».

3.1.1.1. Арабизмы в текстах ресторанных меню

Меню местных ресторанов как и рецепты являются отражением языковой глюттонической картины мира конкретного народа. Поэтому также были изучены меню некоторых грузинских ресторанов.

Приведем к примеру слово ქამა [qama]. Блюда из шампиньонов довольно часто встречаются в грузинских меню, рассмотрим некоторые из них: «ქამასოკოკეცზე»[9] [qama soko kecze] – «шампиньоны на кеци» «ქამასოკოსულუგუნით» [qama soko sulugunit'] – «шампиньоны с сыром сулугуни». Мы видим, что слово ქამა [qama] будет находиться в двух больших семантических полях: «еда\питье» и «лес». В контексте поля «еда\питье» мы можем отнести данный термин к средней периферии.

Также слово გუფთა [guft'a] – «тефтели» от арабского كُفْتَة [kufta] – «куфта, котлетки» довольно часто встречается в названиях блюд, например, «ხბოსგუფთებიმწვანეტყემალში» [khbos guft'ebi mtsvane tq'emalshi] – телячьи тефтели в зеленом ткемали». Лексема გუფთა [guft'a] мы поместили в тематическую группу «мясо», однако она не является «ингредиентом», а уже переработанным мясным блюдом, соответственно, будет находиться в средней периферии.

В разделе «напитки» особое внимание придается кофе, который помимо европейских вариаций (эспрессо, капучино и т.д.) представлен в местных стилях приготовления: ხსნადიყავა [khsnadi q'ava] – «растворимый кофе», თურკულიყავა [t'urkuli q'ava] – «кофе по-турецки», ცივიყავა [civi

[8] ქამასოკოსჩაშუშული \ *тушеные шампиньоны.* URL: https://samzareulo.net/receptebi/158-qama-sokos-chashushuli.html

q’ava] – «холодный кофе», ცივიყავანაყინით [civi q’ava naq’init’] – «холодный кофе с мороженым», ყავაუნალექო [q’ava unaleqo] – «растворимый кофе», ყავანალექიანი [q’ava nalekiani] – «нерастворимый кофе». То есть арабизм ყავა [q’ava] (от арабского قهوة [qaghua]) будет находится в ближней периферии поля в тематической группе «горячие напитки». Можем сказать, что этот термин является одним из самых частотных арабизмов в грузинском языке.

Продолжая тему напитков в текстах меню, в тематической группе «холодные напитки» также встречаются некоторые арабизмы, например, в разных вариациях лимонада часто фигурируют такие вкусы, как ფორთოხალი [fort’okhali] – «апельсин» (от арабского برتقال [burtuqa:l]) и ტარხუნა [tarkhuna] – «тархун» (от арабского طرخون [tarkhu:n]). Из чего можно сделать вывод, что термин ფორთოხალი [fort’okhali] входит в состав группы «фрукты» и «холодные напитки», то же самое мы наблюдаем со словом ტარხუნა [tarkhuna], которое является частью группы «травы» и «холодные напитки».

В разных видах блюда «пхали» каждый раз встречается в качестве одного из ингредиентов блюда арабизм ისპანახი [ispanakhi] – «шпинат» (от арабского سبانخ [saba:nikh]), например, «ისპინახისბურთულა» [ispinakhis burt’ula] – «шарик из шпината».

Исходя из изученного материала, можно сделать вывод, что арабизмы-глюттонимы занимают важную роль в культуре приготовления пищи в грузинском языке. Более того, мы наблюдаем интересную картину, когда одна конкретная лексема может иметь разные значения в разных контекстах и входить в состав разных микрополей.

3.1.1.2. Арабизмы-глюттонимы в грузинских фразеологизмах

Народные пословицы и поговорки являются ярким отражением культуры, быта и традиций конкретного народа. Более того, фразеологизмы играют огромную роль в культуре языка, более точно описывая его картину мира.

В рамках данной работы были изучены пословицы и поговорки грузинского языка, посвященные еде, приему пищи, культуры застолья, а также проанализированы арабизмы-глюттонимы, входящие в состав этих фразеологизмов. Ниже мы приведем некоторые из них, однако необходимо отметить, что многие пословицы и поговорки достаточно сложно перевести точно на русский язык, ввиду культурных различий и разного восприятии мира народами, более того, эквивалента некоторым терминам в грузинском языке попросту не существует в русском языке.

არაყი [araq'i] – «водка»:

არაყიდავლიედამოხმარებამოვიკრიბე [araq'I davlie da mokhmareba novikribe] – «водку выпил и собрал помощь».

არაყიარკურნავს, არამედკოჭლობს [araq'i ar kurnalobs, aramed kochlobs] – «водка не лечит, но хромает».

არაყიყველაფერსაფუჭებსკერძებისგარდა [araq'I q'velafers afuchebs kerdzebis garda] – «водка все портит кроме еды».

Как мы видим арабизм არაყი [araq'i] активно фигурирует в различных фразеологизмах грузинского языка, оттенок в зависимости от контекста колеблется от положительного до негативного. Мы относим данную лексему к ближней периферии семантического поля «еда\питье» и входит в тематическую группу «спиртные напитки».

სუფრა [sufra] – «стол, застолье»:

ძროხაეზოში - სუფრამაგიდაზე [dzrokha ezoshi – sufra magidaze] – «корова во дворе – застолье на столе».

მდიდრებისსუფრაზეპურისნამსხვრევებიაღარდარჩა [mdidrebis sufraze puris namskhvrebi aghar darcha] – «на столе богача ни крошки хлеба не осталось».

საერთოსუფრაზესაკვებისგემოუკეთესია [saert'o sufraze sakvebis gemo uket'esia] – «за общим столом еда вкуснее».

მარილისგარეშესუფრამრუდეა [marilis gareshe sufra mrudea] – «без соли стол пресный».

სუფრასთანჯდომაარისის, რაცსამოთხეშიუნდამოინახულოთ [sufst'n jdoma aris is, rac samot'kheshi unda moinakhulot'] – «сидеть на застолье – это то, что вы должны увидеть в раю».

წართვისსუფრაცმობეზრდებაკაცს [tsart'vis sufrac mobezrdeba kacs] – «и накрытый стол надоест человеку».

Очевидно, что ввиду особенностей грузинской культуры слово სუფრა [sufra] играет одну из важнейших ролей в грузинском языке. Интересно, что такое культовое слово имеет арабское происхождение. Данная лексема является очень частотной и находится в ближней периферии поля.

მაგიდა [magida] – «обеденный стол»:

ქუჩაწითელიასახლებით, მაგიდაკიწითელიაღვეზელებით [qucha tsit'elia sakhlebit', magida ki tsit'elia ghvezelebit'] – «улица красная домами, а стол пирожками».

რაარისღუმელში - ხმლებიმაგიდაზე [ra aris ghumelshi – khmlebi magidaze] – «что в печи – то мечи на столе».

Арабизм მაგიდა [magida], являясь обозначением «центральной части кухни», находится в средней периферии семантического поля.

ზეთი [zet'i] – «масло»:

ფაფაგავაკეთე, ზეთიარდაზოგოთ [fafa gavaket'e, zet'I ar dazogot'] – «кашу сварил – масла не жалей».

Лексема ზეთი [zet’i] иногда употребляется в грузинских фразеологизмах, являясь одним из основных ингредиентов приготовления пищи. Мы можем поместить этот термин в среднюю периферию поля.

თასი [t’asi] – «миска»:

ფაფასქელია, მაგრამთასიცარიელია [fafa sqelia, magram t’asi carielia] – «каша густая, но миска густая».

Не самым частотным арабизмом в контексте фразеологизмов оказалось слово თასი [t’asi]. Можно отнести данный термин к дальней периферии поля.

ყავა [q’ava] – «кофе»:

ერთიფინჯანიყავამუცელსკიარგაადღებს, გულსმოიგებსო [ert’I finjani q’ava mucels ki ar gaadzghlebs, guls moigebso] – «одна чашка кофе желудку не навредит, но сердце покорит».

Как мы выяснили слово ყავა [q’ava] тоже нечасто встречается в грузинских фразеологизмах, но несмотря на это мы помещаем его в ареал ближней периферии поля, так как в современном грузинском языке название этого предмета была используется довольно часто.

ჯამი [jami] – «миска»:

ქურდობისშეწამებათუგინდოდეს, ჯამიდაბაწარიდაიჭირეხელშიდატყისპირადგაჩერდიო [qurdobis shetsameba t’u gindodes, jami da batsari daichire khelshi da tq’is pirad gach’erdio] – «если захочешь своровать –возьми в руки миску и веревку и стой у леса».

ერთმაკაცმაქორწილიქნაერთიჯამიღვინითა, პატარძალიმოიყვანაშეკაზმულივირითა [ert’ma kacma qortsili qna ert’I jami ghvinit’a, patardzali moiq’vana shekazmuli virit’a] – «мужчина женился на одной пиале вина, а ишак привез невесту».

Необходимо пояснить, что упомянутые выше изречения являются не столько поговорками или пословицами, сколько старыми мудростями. Как

мы видим термин ჯამი [jami] используется как в значении «миска», так и в значении «пиала». Данная арабизм довольно активно используется в грузинском языке и мы можем поместить его в среднюю периферию семантического поля «еда\питье».

ქეიფი[qeifi] – «веселье, пир»:

მთელიდღითმოქეიფესა - არადარჩასავახშმოთა [mt'eli dghit' moqeifesa – ara darcha savakhshmot'a] – «целый день пировали – на ужин ничего не осталось».

В условиях, так называемого, культа застолья термин ქეიფი [qeifi] встречается довольно часто в различных выражениях и разговорной речи грузин. Этот арабизм мы можем поместить в среднюю или дальнюю периферию поля, так как он не совсем напрямую связан с термином «еда\питье».

Как мы видим, арабизмы-глюттонимы проникли во все сферы современного грузинского языка и, говоря непосредственно о пословицах и поговорках, мы можем сделать вывод, что в основном в них встречаются арабизмы, связанные с культурой застолья и предметами быта.

3.1.2. Грамматические трансформации как отражение лингвокультурологических характеристик глюттонических арабизмов концепта «еда/питье» в грузинском языке

Как уже было упомянуто ранее, грамматическая система грузинского языка является достаточно сложной и развитой, в некотором смысле даже уникальной. Поэтому можно считать, что эта особенность грузинской грамматики одна из важнейших с точки зрения уровня адаптации арабизмов, в частности, арабизмов-глюттонимов.

Приведем примеры грамматических трансформаций глюттонических арабизмов в грузинском языке.

Арабизм ბოსტანი [bostani] – «огород» послужил основой для образования нового существительно, обозначающего «овощи» –ბოსტნეული [bostneuli]. Как мы видим, новое слово образовалось при помощи присоединения сложного суффикса прилагательного -ული [-uli]. Интересно, что хоть сам суффикс и является флексией, образующей прилагательное, само слово мы переводим существительным, однако лексема грамматически является характерной для прилагательных.

Говоря об образовании прилагательных из слов арабского происхождения в сфере глюттонии, можно также упомянуть слово ზეთი [zet'i] – «масло». Зачастую особенно в контексте кулинарных рецептов используется форма прилагательного «масляный» –ზეთიანი [zet'iani]. Мы наблюдаем, что при помощи присоединения сложного суффикса «обладания и свойства» -იანი [-iani] от арабизма была образована новая часть речи [Руденко В.Т., 1940, с. 263].

Интерес представляет также слово ყავისფერი [q'avisferi] – «коричневый», дословно «цвета кофе». Данное прилагательное было образовано от существительного ყავა [q'ava] – «кофе» путем присоединения другого существительного ფერი [feri] – «цвет».

Рассмотрим также грамматические трансформации арабизма-глюттонима ბარაქა [baraqa] – «изобилие, плодородие». Как и от слова «масло» прилагательное «плодородный, обильный» было образовано в грузинском языке при помощи суффикса -იანი [iani] –ბარაქიანი [baraqiani]. Как правило это прилагательное используется в двух контекстах: 1) в значении «обильный, богатый», например, «ბარაქიანიმიწა» [baraqiani mitsa] – «богатая (плодородная) земля»; 2) и в значении «благословленный», например, даже в текстах кулинарных рецептов иногда употребляется фраза «ბარაქიანიხელით» [baraqiani khelit'] – «благословленной рукой», то есть это обозначает, что тот, кто готовит делает это с благими намерениями и из

его рук выходят удачные вкусные блюда. Также было образовано от этой лексемы слово «обильно» при помощи сложного суффикса наречия -ანად [-anad] – ბარაქიანად [baraqianad].

Вызывает интерес лексема ქეიფი [qeifi] – «веселье, пир», так как от него было образовано причасти путем прибавления приставки მო- [mo-] – «მოქეიფე» [moqeife] – «любитель или участник веселья, пирушки». Более того, от данного слово также была образована и глагольная форма, например, ქეიფობს [qeifobs] – «он пирует, веселиться». Глагольная форма была образована прибавлением окончания третьего лица единственного числа -ს [-s]. Также от этого арабизма было образовано еще одно слово, которое вызывает некоторые затруднения при переводе его на русский язык – «საქეიფო» [saqeifo] – дословно «предназначенный для пира». Мы видим, что слово сформировалось при помощи присоединения префикса, обозначающего назначение, принадлежность, орудие სა- [sa-], в то время как, сама конструкция словообразования выглядит следующим образом: სა____ო [sa___o], например, «საქეიფოადგილი» [saqeifo adgili] – «место подходящее для веселья». К данной лексеме был добавлен префикс მო- [mo-], обозначающий в грузинском языке «назначение, принадлежность», а сама конструкция образования подобных слов выглядит следующим образом: მო___ე [mo___e].

Таким образом, мы еще раз проследили процессы активного участия арабизмов-глюттонимов в грамматической структуре грузинского языка, что еще раз подтверждает факт высокого уровня их адаптивности в грузинском языке. Новые слова были образованы от корней арабского происхождения путем присоединения типичных грузинских флексий.

Однако мы видим, что примеров относительно немного, что позволяет нам отнести грамматический аспект к периферии поля.

3.1.3. Фонетические трансформации как отражение лингвокультурологических характеристик арабизмов концепта «еда\питье» в грузинском языке

Ранее мы более подробно изучили особенности фонетической системы грузинского языка и пришли к выводу, что она довольно богата и обладает необходимыми инструментами для успешной адаптации слов арабского происхождения внутри грузинского языка. Однако, сейчас предлагается рассмотреть более подробно непосредственно фонетические трансформации арабизмов-глюттонимов.

Безусловно, одной из проблем в контексте фонетической трансформации арабизмов в грузинском языке является способ передачи таких звуков, которых просто не существует в фонетической системе грузинского языка, например, арабская фонема ع [‘] передается, как правило, при помощи фонемы ა [a]. Например, არაყი [araq’i] (спиртной напиток) от арабского عرق [‘rq] (пот, испарина). Интересно, что фонемы полностью идентичной арабской ق [q] в грузинском языке нет. Она обычно передается звуками ყ [q’] иქ [q] (чаще всего) и реже фонемойკ [k].

Рассмотрим глюттонический арабизм ბარაქა [baraqa] (изобилие, плодородие) от арабского بركة [barakat] (благословление). Единственная фонема, которая вызвала трудности при переходе из арабского в грузинский язык – ك [k], однако, она была заменена на более глухой ქ [q] в грузинском. Можно сказать, что слово претерпело минимальное количество фонетических трансформаций. В этом контексте можно также привести в пример арабизм ქამა [qama] (шампиньон) от арабского كَمْأَة [kamat] (гриб). Звук ك [k] снова передается в грузинском звуком ქ [q].

Говоря о передачи в грузинском языке, так называемой, т-марбуты ة [at], то можно привести в пример другой арабизм «სუფრა» [sufra] (застолье) от арабского سفرة [sufrat] (обеденный стол). В грузинском языке она передается просто фонемой ა[a]. Интересно, что в грузинском языке

отсутствует фонема ف [f], идентичная русской «ф», вместо нее существует звук средний между «п» и «ф» – «ფ» [f] и, соответственно, арабская фонема ف [f] трансформируется в ფ [f].

Подобным образом было трансформировано арабское слово فنجان [finja:n] (чашка, кружка), которое в грузинском созвучно с арабским оригиналом – ფინჯანი [finjani] (чашка, кружка). Звук ف [f] снова передается своеобразной грузинской фонемой ფ [f]. Важно также добавить, что к подавляющему большинству арабских глюттонических заимствованиях было присоединено окончание -ი[i], которое является характерным для грузинского языка.

Однако, бывают случаи, когда не только ف [f] передается в грузинском через ფ [f], но зачастую и арабская ب [b] трансформируется в грузинском в ფ [f], например, ფორთოხალი[fort'okhali] (апельсин) от арабского برتقال [burtuqa:l] (апельсин).

Рассмотрим фонетические трансформации глюттонического арабизма ყავა [q'ava] (кофе) от арабского قهوة [qaghua] (кофе). Здесь мы снова наблюдаем трансформацию арабской фонемы ق [q] в грузинский ყ [q']. Любопытным образом передается сочетание звуков арабский придыхательный звук هو[ghu]. В грузинском языке он был замененкомбинацией ვა[va].

Как известно, в арабском языке существует такое понятие, как дифтонги. Выделяют, как правило, дифтонги [ay] и [ou]. Однако в грузинском языке эти дифтонги трансформировались в такие звукосочетания, как [a], [e], [o].

Например, арабизм ზეთი [zet'i] (масло) от арабского زيت [zayt] (масло). Очевидно, дифтонг арабской лексемы был упрощен в грузинском языке до обычного [e]. Возможно, эту тенденцию к упрощению некоторых звуков в заимствованных словах можно соотнести со стремлением носителей языка-реципиента не изменять фонетическую систему другого языка или

усваивать новые звукосочетания в процессе заимствования новой лексики, подстраивая ее под родную систему звуков и звукосочетаний.

Приведем также в качестве примера арабизм მაგიდა[magida] (обеденный стол) от арабского مائدة [ma:idat]. В этом случае появляется звук გ [g], который как мы предполагаем также появился с целью упрощения звучания и произношения заимствованного слова, так как такое сочетание гласных звуков, как в оригинале не характерно для грузинского языка.

Таким образом, мы наблюдаем, что некоторая группа арабизмов-глюттонимов претерпела минимальные фонетические трансформации и являются очень созвучными с оригинальными лексемами, в то время как другие глюттонические заимствования были в большей степени модифицированы, что помогает нам сказать, что фонетические трансформации не отражают в полной мере лингвокультурологические особенности арабизмов-глюттонимов в грузинском языке.

ВЫВОДЫ

1. Установлено, что лингвокультурологические особенности глюттонических арабизмов в грузинском языке явились отражением глюттонической картины мира носителей грузинского языка. Арабизмы-глюттонимы активно функционируютвтекстах кулинарных рецептов, ресторанных меню, в качестве фразеологизмов, связанных с культурой питания.

2. Выявлено, что заимствованная арабская глюттоническая лексика, грамматические и фонетические трансформации явились отражением лингвокультурологических характеристик арабизмов концепта «еда\питье» в грузинском языке.

3. Установлено, что в качестве основных компонентов функционально-семантического поля глюттонических арабизмов в грузинском языке выделяется центр с ядром и периферия (зоны ближней, средней и дальней периферии). К центру отнесены главные средства выражения категории глюттонии заимствованных арабизмов с максимальной концентрацией признаков этой категории, к периферии – средства (арабизмы-глюттонимы), выражающие её в меньшей степени.

а). Ядро ФСПГА в грузинском языке составили базовые понятия «еда/питье».

б). В центральную часть ФСПГА в грузинском языке вошли:

- лексические средства, отражающие лингвокультурологические характеристики глюттонических арабизмов концепта «еда/питье» в грузинском языке, выражающие номинацию кулинарных блюд и продуктов, форм принятия, а также лексические средства выразительности (пословицы, поговорки), отражающие традиции гастрономической культуры носителей грузинского языка;

- грамматические трансформации, отражение лингвокультурологические характеристики глюттонических арабизмов концепта «еда/питье» в грузинском языке;

- фонетические трансформации, отражающие лингвокультурологические характеристики глюттонических арабизмов концепта «еда/питье» в грузинском языке;

в). Периферийную часть ФСПГА в грузинском языке составили:

- лексические средства, в меньшей степени отражающие лингвокультурологические характеристики глюттонических арабизмов в номинациях процесса приготовления, презентации, потребления и оценки пищи и напитков, а также менее выраженные средства лексической образности, отражающие традиции гастрономической культуры носителей грузинского языка и относящиеся к периферийным зонам разной (ближней, средней, дальней) удаленности;

- грамматические и фонетические трансформации, в меньшей степени отражающие лингвокультурологические характеристики глюттонических арабизмов в номинациях процесса приготовления, презентации, потребления и оценки пищи и напитков, отражающие традиции гастрономической культуры носителей грузинского языка и относящиеся к периферийным зонам разной (ближней, средней, дальней) удаленности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей выпускной квалификационной работе былипроанализированы и выявлены лингвокультурологические аспектыфункционально-семантического поля глюттонических арабизмов (ФСПГА) вгрузинском языке.

Глюттонический дискурс является одним из наиболеераспространенных в социальной коммуникации людей. Процессприготтовление и потребления пищи, традиции гастрономического этикетаесть часть культурологической категории образа жизни человека, егокартины мира.

Для осуществления поставленной в работе цели были решеныследующих **задачи**:

1) установлены особенности построения, структура и иерархиякомпонентов ФСПГА в грузинском языке;

2) рассмотрены лингвокультурологические особенности арабизмов вгрузинском языке как отражение языковой картины мира носителейгрузинского языка;

3) проанализированы лингвокультурологические особенности понятия«еда/питье» как отражение ФСПГА в глюттонической картине мирагрузиноязычных коммуникантов;

4) рассмотрена реализация глюттонических арабизмов в гастрономических текстах различных жанров на грузинском языке.

В результате исследования мы можем сделать следующие **выводы**:

1. Установлено, что полевой подход к изучению явлений языка каккомплексное рассмотрение языковых средств разных уровней имеетрешающее значение для нашего исследования, в котором категорияглюттонии, семантическим ядром которой являются понятие «еда/питье»,адекватно представлена в виде функционально-семантического поляглюттонических арабизмов в грузинском языке, и

отражаетлингвокультурологические особенности её реализации в современнойгрузинской речи.

2. Установлено, что лингвокультурологические особенности арабизмов вгрузинском языке адекватно отражают исторически сложившуюся языковуюкартину мира носителей грузинского языка.

3. Выявлено, что культура питания является важнейшим компонентомментальности грузинского народа, а лингвокультурологические особенностиреализации арабизмов в грузинском языке дополняют глюттоническуюкартину мира носителей грузинского языка, включающую вкусовыепредставления и гастрономические понятия.

4. Установлено, что в качестве основных компонентов функционально-семантического поля глюттонических арабизмов (ФСПГА) в грузинскомязыке выделяется центр с ядром и периферия (зоны ближней, средней идальней периферии). К центру отнесены главные средства выражениякатегории глюттонии заимствованных арабизмов с максимальнойконцентрацией признаков этой категории, к периферии – средства (арабизмы-глюттонимы), выражающие её в меньшей степени.

а). Ядро ФСПГА в грузинском языке составили базовые понятия «еда/питье».

б). В центральную часть ФСПГА в грузинском языке вошли:

- лексические средства, отражающие лингвокультурологические характеристики глюттонических арабизмов концепта «еда/питье» в грузинскомязыке,выражающие номинацию кулинарных блюд и продуктов, форм принятия, атакже лексические средства выразительности (пословицы, поговорки),отражающие традиции гастрономической культуры носителей грузинскогоязыка;

- грамматические трансформации, отражение лингвокультурологическиехарактеристики глюттонических арабизмов концепта «еда/питье» в грузинскомязыке;

- фонетические трансформации, отражающие лингвокультурологическиехарактеристики глюттонических арабизмов концепта «еда/питье» в грузинскомязыке;

в). Периферийную часть ФСПГА в грузинском языке составили:

- лексические средства, в меньшей степени отражающиелингвокультурологические характеристики глюттонических арабизмов вноминациях процесса приготовления, презентации, потребления и оценкипищи и напитков, а также менее выраженные средства лексическойобразности, отражающие традиции гастрономической культуры носителейгрузинского языка и относящиеся к периферийным зонам разной (ближней,средней, дальней) удаленности;

- грамматические и фонетические трансформации, в меньшей степени

отражающие лингвокультурологические характеристики глюттоническихарабизмов в номинациях процесса приготовления, презентации, потреблениях оценки пищи и напитков, отражающие традиции гастрономическойкультуры носителей грузинского языка и относящиеся к периферийнымзонам разной (ближней, средней, дальней) удаленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л.: «Наука», 1988 г. – 240 с.
2. Аперсян, Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю.Д. Аперсян. – М.: «Просвещение», 1966 г. – 304 с.
3. Баранов, Х.К. Арабско-русский словарь / Х.К. Баранов. – М.: «Наука», 1984 г. – 944 с.
4. Белова, А.Г. Введение в арабскую филологию. Учебное издание / А.Г. Белова. – М.: ИВ РАН, 2003 г. – с. 62–65.
5. Белкин, В.М. Арабская лексикология / В.М. Белкин. – М.: МГУ, 1975 г. – 200 с.
6. Гранде, Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б.М. Гранде. – М.: «Издательство восточной литературы», 1963 г. – 594 с.
7. Головин, Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: «Высшая школа», 1987 г. – 105 с.
8. Даниленко, В.Г. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В.Г. Даниленко. – М.: «Наука», 1977 г. – 103 с.
9. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – В.: «Перемена», 2002 г. – с. 435–476.
10. Капкан, М.В. Феномен гастрономической культуры: автореф. дис. … канд. культурологии / М.В. Капкан. – Е.: б.и., - 2010 г. – с. 24–25.
11. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: URSS, 2022 г. – с. 33–34.
12. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – №1. – С.57 – 68.
13. Кац, Дж. Структура семантической теории // Новое в лингвистике / Дж. Кац, Дж. Фодор. – М., 1980. – Вып. 10: Семантика.

14. Киладзе, Е.С. Практическая энциклопедия грузинской кухни: история, традиции, рассказы, рецепты / Е.С. Киладзе. – М.: АСТ, 2011 г. – 256 с.

15. Климов, Г.А., 1964. Этимологический словарь картвельских языков / Г.А. Климов. – М.: «издательство академии наук СССР», 1964 г. – 306 с.

16. Лекиашвили, В.А., 1992. Ориентализмы в грузинском языке (арабская лексика): автореферат дис. … кандидата философских наук / В.А. Лекиашвили. – Т.:Тбилисский Государственный Университет, 1992 г. – 22 с.

17. Манакин, В.Н. Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин.– К.:«Знания», 2004 г. – 327 с.

18. Марр, Н.Я. Грамматика древнегрузинского языка / Н.Я. Марр. – Л.: РАН, 1925 г. – 268 с.

19. Новиков, Л.А. Семантика русского языка: учеб. пособие / Л.А. Новиков. – М.: «Высшая школа», 1982 г. – 272 с.

20. Олянич А.В., 2007. Презентационная теория дискурса. Монография. Москва: Гнозис

21. Попова, З.Д. Лексическая система языка: учеб. Пособие / З.Д. Попова, И.А. Стерин. – М.: «Либрком», 2009 г. – 172 с.

22. Редкозубова, Е.А., 2008. Лингвосемиотический подход к проблеме исследования характеристик кодированной коммуникации // Научная мысль Кавказа № 3 / Е.А. Редкозубова. – 6 с.

23. Рейфилд, Д. Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет / Д. Рейфилд. М.: «КоЛибри, Азбука-Аттикус», 2017 г. – 830 с.

24. Рибалкин, В. С. Классическое арабское языкознание / В.С. Рибалкин. К.: «Стилос», 2003 г. – 348 с.

25. Руденко, В.Т. Грамматика грузинского языка / В.Т. Руденко. М.: Академия наук СССР, 1940 г. – 276 с.

26. Савицкий, В.М. Лингвокультурный код (состав и функционирование): монография / В.М. Свицкий, Э.А. Гашимов. – М.: изд-во Моск. гор. пед. ун-та, 2005 г. – 169 с.

27. Ундринцова, М.В., 2012. Глюттонический дискурс: лингвокультурологические и переводческие аспекты / М.В. Ундринцева // Вестник Московского университета. М.: изд-во Моск. Ун-та, 2012 г. – № 2. - с. 86-91.

28. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы / А.А. Уфимцева. – М.: Академия наук СССР, 1962 г. – 288 с.

29. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология / М.И. Фомина. – М.: «Высшая школа», 1983 г. – 415 с.

30. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: «Наука», 1974 г. – 256 с.

31. ანდრონიკაშვილიმ., 1966. ნარკვევებიირანულქართულიენობრივიურთიერთობიდან. ტ. I, თბილისი: თბილისისუნივერსიტეტისგამომცემლობა

Андроникашвили М., 1966. Исследование персидско-грузинских отношений. Тбилиси

32. ბედოშვილიგ., 2002. ქართულტოპონიმთაგანმარტებითეტიმოლოგიურილექსიკონი. თბილისი: ბაკურსულაკაურისგამომცემლობა

Бедошвили Г., 2002. Толковый словарь грузинских топонимов. Изд.: Бакур сулакаурис гамомцемлоба. Тбилиси

33. იმედაძეს., 2014. არაბულიწარმოშობისლექსიკასულხან–საბაორბელიანის «ლექსიკონქართულში». ქუთაისი: აკაკიწერეთლისსახელმწიფოუნივერსიტეტი.

Имедадзе С. Арабская заимствованная лексика в «Грузинском словаре» Сулхана-Сабы Орбелиани. Кутаиси: Государственный университет Акаки Церетели, 2016.

34. უთურგაიძეთ., 1976. ქართულიენისფონემატურისტრუქტურა. თბილისი: გამომცემლობა «მეცნიერება»

Утургаидзе Т., 1976. Фонетическая структура грузинского языка. Изд.: «Мецниереба». Тбилиси

35. ოდილავაძენ., 2002. აქიმი/ექიმიდააქიმბაში/ექიმბაშისიტყვებისისტორიისათვისქართულში. ქუთაისი: კრებული «ქართველურიმემკვიდრეობა VI»

Одилавадзе Н., 2002. История слов აქიმი/ექიმი [aqimi/eqimi] и აქიმბაში/ექიმბაში [aqimbashi/eqimbashi] в грузинском языке. Изд.: «Картвелури мемквидреоба VI». Тбилиси

36. სილაგაძეა., 2008. ორიენტალიზმებისსაკითხისათვის. ენათმეცნიერებისსაკითხები I. თბილისი: თსუგამომცემლობა

Силагадзе А., 2008. К вопросу об ориентализмах. Изд.: ТСУ. Тбилиси

37. სილაგაძებ., 1991. არაბთაბატონობასაქართველოში. თბილისი: მეცნიერება

Силагадзе Б.,1991. Господство арабов в Грузии. Изд.: «Мецниереба». Тбилиси

38. ფოჩხუაბ. 1974. ქართულიენისლექსიკოლოგია. თბილისი: გამომცემლობა «მეცნიერება»

Почхуа Б., 1974. Лексикология грузинского языка. Изд.: «Мецниереба». Тбилиси

39. წერეთელიგ., 2004. სემიტურიენებიდამათიმნიშვნელობაქართულიკულტურისისტორიისშეს

წავლისათვის. აკადემიკოსიგიორგიწერეთელი. რჩეულიშრომებიხუთტომად. I. ურარტოლოგია, სემიტოლოგია, ებრაისტიკა. თბილისი: ენადაკულტურა.

Церетели Г., 2004. Семитские языки и их значение для изучения истории грузинской культуры. Изд.: язык и культура. Тбилиси

40. წერეთელიგ., 2004. სემიტურიენებიდამათიმნიშვნელობაქართულიკულტურისისტორიისშეს

წავლისათვის. აკადემიკოსიგიორგიწერეთელი. რჩეულიშრომებიხუთტომად. I. ურარტოლოგია, სემიტოლოგია, ებრაისტიკა. თბილისი: ენადაკულტურა.

Церетели Г., 2004. Семитские языки и их значение для изучения истории грузинской культуры. Изд.: язык и культура. Тбилиси

41. წერეთელიგ., 1951.არაბული-ქართულილექსიკონი, თბილისი

Церетели Г., 1951. Арабско-грузинский словарь. Тбилиси

42. Ipsen ,G. Der Alte Orient unt die Indogermanen./ G. Ipsen // Festschrift fur W.Streitberg. Heidelberg, 1924. P. 30 – 45.

43. Trier,J.DerDeutscheWortschatz.Bd.I.Heidelberg:/ J.Trier //WinterinSinnbezirkdesvestandes, 1931. P. – 9.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Арабская транскрипция	
ا	a
ء	-
ب	b
ت	t
ث	th
ج	j
ح	h
خ	kh
د	d
ذ	dh
ر	r
ز	z
س	s
ش	sh
ص	s̲
ض	d̲
ط	t̲
ظ	dh̲
ع	‘
غ	g
ف	f
ق	q
ك	k
ل	l
م	m
ن	n
ه	gh
و	u
ي	y
Долгие звуки	:

Грузинская транскрипция	
ა	a
ბ	b
გ	g
დ	d
ე	e
ვ	v
ზ	z
თ	t’
ი	i
კ	k
ლ	l
მ	m
ნ	n
ო	o
პ	p
ჟ	zh
რ	r
ს	s
ტ	t
უ	u
ფ	p’
ქ	q
ღ	gh
ყ	q’
შ	sh
ჩ	ch’
ც	c
ძ	dz
წ	ts
ჭ	ch
ხ	kh

ꝯ	j
ȝ	h